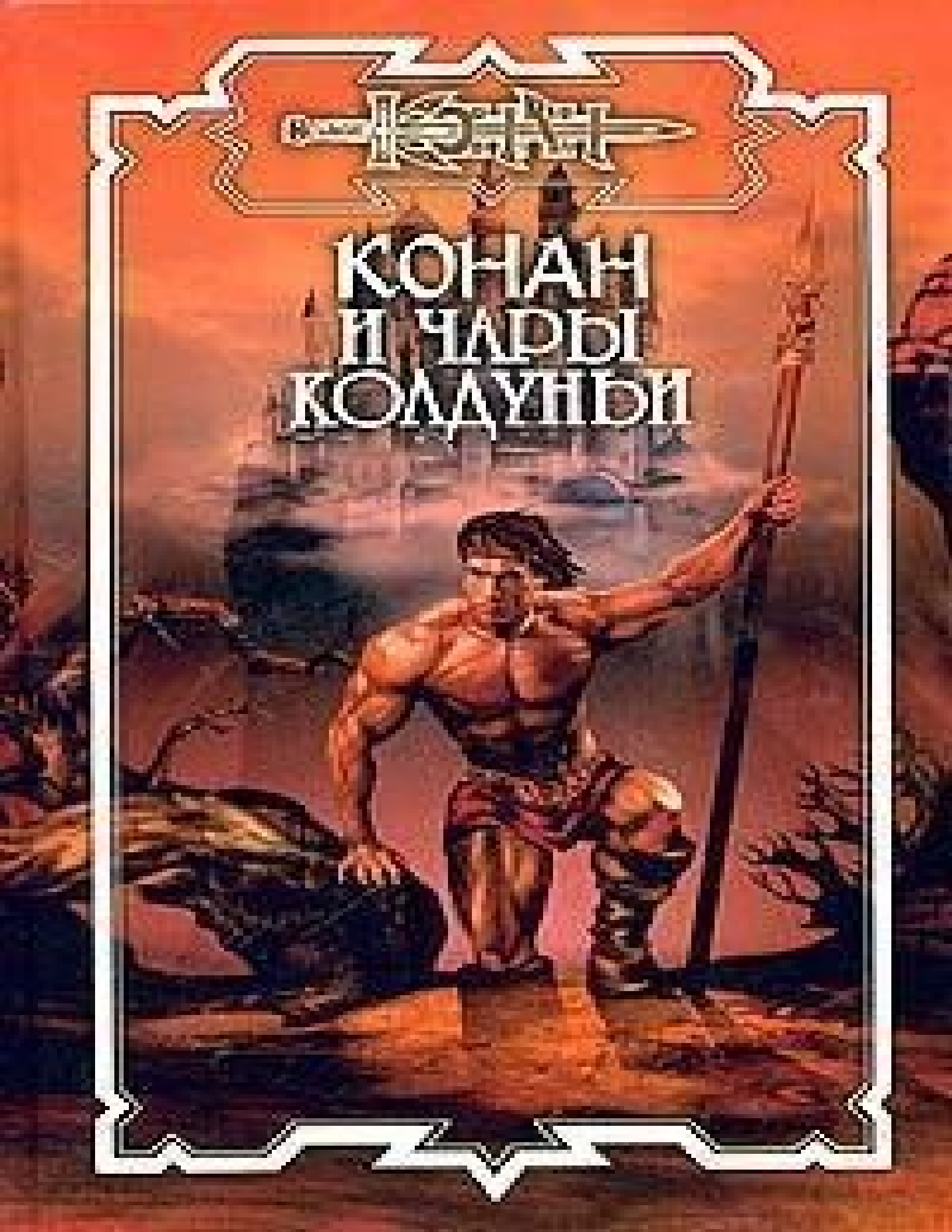
КОНАН
КОНАН
И ЧАРЫ
КОЛДУНЬИ

Annotation

Первая повесть из авторского цикла "Конан и неунывающая воровка"…

•

Дуглас Брайан, Ник Харрис

Голодный золотой божок (Серая птица)

Вот уже несколько колоколов кряду шел моросящий дождь. Было еще холодно, но ветер нес с собой совершенно весенние запахи, а грязный снег на обочинах раскис и потек. Город утопал в грязи. Постоялый двор назывался «Ключ и меч». Прежде Конану не раз случалось останавливаться в ней, и порядки были хорошо ему знакомы. Не дожидаясь появления хозяина и вечно заспанного конюха, варвар сам провел свою лошадь в конюшню, стукнувшись, как обычно, о потолочную балку и ругнувшись.

— С постояльцами не густо, — отметил он себе под нос. Кроме хозяйской пузатой лошадки, в конюшне находился всего один жеребец — правда, дорогой, очень породистый, гладко-серой масти. В его яслях лежало не сено и даже не ячмень — первосортная пшеница, вымоченная в вине. Рядом, на загородке висело богатое седло, сушился потник из чистейшего хлопка, а чепрак вообще был шелковый, двухцветный, с гербом. На гербе значился изумрудно-зеленый барс, как бы прыгающий на смотрящего с золотого поля.

— Ясно, — пробормотал Конан. — Какая-то важная птица возжелала одиночества и распугала остальных посетителей. Скверно! А я так рассчитывал узнать свежие новости и, может быть, разжиться парой монет, обыграв кого-нибудь в кости…

По соседству с рыцарским конем стоял задумчивый мул, холеный и гладкий. По всему было видно, что это животное принадлежало оруженосцу, тоже холеному и гладкому.

Расседлав своего коня и отсыпав ему две полновесных мерки овса,

Конан закинул на плечо седельную сумку и вышел из конюшни. Обойдя крыло гостиницы, он поднялся на крыльцо и толкнул дверь.

Однако та оказалась запертой.

К двери был приклеен клочок грубо выделанного пергамента. Даже если бы варвар умел читать, он не сумел бы разобрать написанного на нем — значки расплылись от воды.

Конан постучался, и тотчас за дверью кто-то закопошился.

Засов звякнул, загремела цепочка, послышалось также сопение и тихая брань. Наконец дверь открылась, и из проема на Конана уставился ладный коротышка, смуглый, со шрамом на подбородке и яростными зелеными глазами. На коротышке была двухцветная шелковая туника и двухцветные штаны.

Он вздернул голову, стриженную скобкой, оглядел варвара высокомерно и вопросил:

— Ты ищешь работу?

— Что? — не понял Конан.

— Ты — следопыт?

— Конечно, — ответил варвар, теряя терпение. — При этом я — мокрый, усталый и голодный следопыт. Опытный глаз подсказывает мне, что здесь — таверна…

— Ты совсем не похож на следопыта, — объявил коротышка и попытался захлопнуть дверь, но Конан успел придержать ее ногой.

— Я могу доказать, что я следопыт, — сказал он. — Ты оруженосец не из знатных. Твое имя оканчивается на «-мунд». Служишь своему рыцарю больше десяти лет. Ходил с ним на Запорожку усмирять Козаков. Колокол назад ты вернулся сюда из дома свиданий, где провел время с девкой по имени Аманта.

Коротышка побагровел и напыжился, но Конан решил не тратить на него времени. Он отодвинул оруженосца в сторону и вошел в зал. Там он уселся на лавку спиной к жаркому очагу, бросил мокрый плащ на стол, стряхнул дождевые капли с волос и сладчайше зевнул. Ему очень хотелось спать.

Прямо перед ним, в глубине зала, сидел за столом человек средних лет, сухощавый, бледный и прямой, как палка. Он поглядывал на варвара с умеренным любопытством, какое только может позволить себе отпрыск аристократического рода.

— Что это за странный постоялый двор, куда пускают только следопытов? — развязно осведомился Конан. — Хозяина вы тоже выставили? Здесь подают вино? Может быть, вы — новые хозяева?

Сухощавый кисло улыбнулся и приподнял бровь. Коротышка же подскочил, как ужаленный, и заверещал:

— Ты разговариваешь с герцогом Мировалем, мужлан! Встать! Или я разделаю тебя под орех, верзила!

— Давай пожалеем мебель, — миролюбиво предложил Конан, а названный герцогом негромко сказал:

— Помолчи, Гизмунд. Если этот человек действительно такой хороший следопыт, имеет смысл дать ему согреться и отдохнуть. — Помолчав миг, он добавил, адресуясь к варвару: — Я хочу предложить тебе работу.

Конан зевнул еще шире.

— Вообще-то я солгал. Я не следопыт. Я — вор.

Герцог Мироваль снова вздернул бровь.

— Интересный поворот событий, — молвил он. — Впрочем, украденное одним вором можно найти при помощи другого вора. А как ты узнал имя моего оруженосца? Балуешься магией?

— Тьфу! — Конан фыркнул. — Вот еще. Это было совсем просто. У него на запястье висит амулет в виде мужского органа. На языке многих народов эта штука называется «мунд». Носят такой талисман, как правило, мужчины, чье имя оканчивается на «мунд».

— А про запорожцев как догадался?

— Видишь шрам на его подбородке? Такой остается только после удара кистенем особой формы. Его используют козаки.

— Он называется «охлопец», — мрачно добавил оруженосец, поглаживая подбородок.

— А про… дом свиданий? — поинтересовался герцог.

— Гизмунд… — Варвар ухмыльнулся. — Гизмунд запачкал себе щеку жемчужными белилами. Эти белила использует только Аманта. Я не большой знаток всех этих женских игрушек, по мне — проку от них нет. Красивой девке они ни к чему, а уродливой не помогут. К тому же вечно вымажешься…

Герцог Мироваль коротко хохотнул, что обозначало у него степень крайней веселости.

— Разбуди кухарку, Гизмунд, и вели приготовить ужин этому молодцу, — приказал он.

— Начало мне нравится. — Конан устроился поудобнее. — Перейдем пока к делу. Как я понял, у вас что-то украли. Что именно?

Усмешка застыла на лице герцога, и варвар неожиданно понял, что этот человек очень страдает.

— У меня украли женщину, — сказал он. — И я сделаю все, чтобы ее вернуть.

Неторопливо он выпил полный кубок вина, деликатно промокнул губы краем скатерти и придирчиво осмотрел кружевной манжет на своем правом рукаве.

Движения его были спокойны и даже ленивы, только в глазах то и дело вспыхивали огоньки гнева и страсти.

— Две зимы назад, — начал он, — я охотился на вепря в лесах неподалеку отсюда. Хозяин тех земель пригласил меня в гости, но в его замке меня настигла непроходимая скука. Он — мой родственник, и я не могу обсуждать его при посторонних. Скажу только, что женился он на сестре богатого купца, которая вместе с грандиозным приданым втащила в родовой замок затхлый душок меняльной лавки. Словом, я оставался в гостях только ради того, чтобы не обидеть троюродного брата. Охота была моим единственным утешением.

В то утро доезжачие подняли прекрасного зверя, но он, в отличие от меня, был старожилом этих лесов и отлично знал все его тропинки и чащобы. Я гнался за ним, оставив свиту далеко позади — и заблудился. Давно перевалило за полдень, и мой верный Снежок нуждался в отдыхе. Поводив его кругом поляны, чтобы он остыл, я ослабил подпругу и пустил коня попастись, а сам улегся на плащ и под тихое журчание ручья задремал.

Меня разбудил Снежок — он храпел и обеспокоенно бил передними копытами. Что-то испугало его, и это что-то теперь следило за мной из чащи. Я кожей почувствовал изучающий и грозный взгляд.

Я далеко не трус, господин вор, но в то мгновение и мне сделалось страшно. Схватив копье, я поднялся, чтобы встретить опасность стоя. И тогда гуща ветвей раздвинулась, и на поляну вышел скавр — человекоподобное существо с гривой льва. Он недолго выбирал между двумя жертвами: конь быстрее человека, его тяжелее поймать. Поэтому он решил полакомиться мною. Когда скавр бросился на меня, я успел нанести ему рану копьем в плечо. От боли и ярости человеко-зверь обезумел, и это решило исход битвы. Копье он сломал, словно тростинку, и слепо кинулся в атаку. Меча со мною не было, но я ухитрился всадить ему под лопатку охотничий кинжал. Испустив громкий рев, чудовище вытянулось в агонии и скоро утихло навсегда.

Я был очень горд собой. Но моя победа вот-вот грозила обернуться поражением — скавр своими страшными когтями разорвал мне бедро. Кровь лилась рекой, и остановить ее я не мог. Вместе с кровью я лишался и сил. Кое-как я сумел взобраться на коня. Перед глазами все плыло, а в ушах

раздавался назойливый гул. Я потерял сознание.

В зыбком, колыхающемся бреду передо мной возникало очаровательное девичье лицо, иногда даже я слышал голос — удивительный, нежный голос…

Виденье было так прекрасно, что я решил, будто умираю. Это сложно понять, но… Впрочем, неважно.

Лесник нашел меня вовремя. Еще немного — и спасти мою жизнь не удалось бы. А видением оказалась Ремина — племянница лесника, сирота. Она ухаживала за мной четырнадцать дней.

Ее бессонные заботы, здоровая пища, свежий лесной воздух и доброе аквилонское вино поставили меня на ноги.

Брату доложили обо мне, и он прислал за мной крытые носилки, чтобы доставить меня в замок. К ужасу лесника, я притворился умирающим и внушил всем, что переносить меня опасно. Как только присланные удалились восвояси, я чудесным образом выздоровел. Лесник разгадал мою хитрость и пришел в беспокойство, но золотая застежка с моего плаща примирила его с действительностью.

Прекрасная Ремина была рада, что я остался. Несмотря на простое происхождение, она каким-то чудом усвоила природное, скромное благородство, словно к нему обязывала ее красота. Грязь житейская и внутренняя, присущая мужланскому роду, не пачкала ее, так же, как и земля не пачкала ее босых ног, когда Ремина гуляла со мною по лесу или собирала хворост. Ей скучно и пусто было среди людей, составлявших ее окружение. Разве можно с мужланом, озабоченным только вопросами пропитания, разговаривать о звездах или полевых цветах? Со мною ей было хорошо, а я забывал, что передо мной — босоногая крестьянка. Душою она была мне ровней.

Видишь ли, господин вор, я женат. Супруга моя — одного со мною происхождения, и мы уважаем друг друга, как хорошие приятели. Она родила мне наследника, за что я ей очень признателен. Но меж нами никогда не было любви. Разводиться с нею я не собираюсь и позволяю ей держать подле себя одного-двух трубадуров из небогатого рыцарства. Она, в свою очередь, также не стесняет моих свобод. Я вполне мог бы поселить Ремину в своем замке на правах служанки, и мы были бы счастливы. Почему я не сделал этого сразу?

— А в самом деле, почему? — высказался Конан. — Мужчина должен решать, а женщина — покоряться. Вряд ли она нашла бы лучшую долю.

Герцог помрачнел еще больше. На щеках его пылал румянец лихорадочного возбуждения.

— Я свалял дурака и первый признаю это, — продолжал он. — Да что толку? Итак, мы полюбили друг друга. Я зачастил в гости к своему брату, мерзкая жена которого прознала, в чем дело. Ее насмешки были грязны и совершенно неостроумны… Я все терпел и ни разу не ответил ей грубостью — меня переполняло счастье, которого никогда не понять торгашескому отродью. Во время последнего нашего с Реминой свидания я подарил моей возлюбленной платок из редкого ванахеймского кружева, выдав его за простую ремесленную поделку, — она не принимала дорогих подарков, хотя мы были достаточно близки… Как любили мы друг друга в ту ночь…

Вернувшись домой, я принял окончательное решение и даже обсудил его с женой. Она дала, полное согласие, оговорив только одно: Ремина должна знать свое место и не покушаться на звание госпожи замка. Я уже отдал распоряжение приготовить ей комнату, как вдруг на следующий же день один из моих соседей захотел пересмотреть границы своих земель. Словом, началась война. Глупая, длинная и кровопролитная. Сначала сосед осадил меня, потом у него кончился провиант, и я осадил его. Поливая мое войско кипятком со стены, он так увлекся, что не успел увернуться от стрелы. На том дело и кончилось.

Наскоро поправив свои обстоятельства, я прискакал во владения своего братца. Что же я обнаружил? Пустую лачугу лесника и свежую могилу на задах его убогого двора! Лесник помер. Стены и кровля ничего не могли поведать о судьбе моей Ремины. Пришлось мне объявляться у братца. Сам он ничего не знал, а его законная гадюка, приторно улыбаясь, рассказала мне о своем человеколюбии. Исключительно из заботы об осиротевшей девушке, она продала ее своему жирному братцу, который обитает в этом городе. «Ничего, — проквакала эта мерзкая жаба, — мой великодушный брат даст этой дикой красотке хорошее воспитание и устроит на хорошее место». Я был в ярости.

Великодушного брата зовут Дорсети. У него огромный дом, выстроенный без всякого вкуса, куча денег и манеры лошадиного барышника, хоть он и рядится в парчу и бархат. Сынок его, Дорсети-младший, — похотливый гаденыш, нечистый на руку. К тому же о нем ходят жуткие слухи. Деньги и связи позволили этим людям развернуться во всей красе. Если бы они жили на моей земле, их давно бы повесили. Но, увы — они свободолюбивые горожане, опора общества, гордость цеха ростовщиков. Я и пальцем не могу их тронуть. К тому же Дорсети держат в доме целую армию наемных головорезов, а я не имею права ввести в этот городишко своей дружины. У Дорсети, как я уже говорил, очень серьезные

связи, а я не могу воевать против всего королевства.

У меня оставалась надежда решить дело «цивилизованным образом». Собрав хорошую сумму, я приезжаю сюда, без свиты и лишнего шума. Гизмунд не захотел отпускать меня одного и увязался следом. Два дня назад мы прибыли сюда и сразу же явились в дом Дорсети. При входе меня заставили разоружиться… Какая низость! Но я и это стерпел.

Оба Дорсети встретили меня недоумевающими взглядами.

— О какой рабыне он говорит, папа? — спросил сынок.

Дорсети-старший воздел руки к небу.

— Здесь недоразумение, — пропищал он. — Я точно переправлял пятнадцать золотых за рабыню, но увы — так ее и не получил. Моя дражайшая сестра не позаботилась отослать ее с обозом. Вероятно, снабдила ее провожатым из слуг. Скорее всего, обоих схватили разбойники. Какая жалость! Она, правда была красавица, эта Ремина?

Мне оставалось только плюнуть и откланяться. Какое-то время я стоял под стеной их дома и предавался размышлениям. А если быть до конца честным, то попросту проклинал себя за глупую свою нерешительность. Как вдруг из окна угловой башни медленно падает к моим ногам свернутый платок из ванахеймских кружев! Конечно, я узнал его — другого такого не существует на свете. Узоры кружева неповторимы. Именно этот платок я подарил племяннице лесника. Кровь вскипела в моей голове. Человек благородного воспитания не должен позволять себе так явно обнаруживать свою ярость, ругаясь с торгашом. Однако я ворвался в дом Дорсети, по дороге отдубасив пару-тройку его телохранителей.

— Она здесь! — вскричал я, размахивая уликой перед глазами ростовщика. — Она в угловой башне! Ты смел мне соврать, хамская морда?

Тут наемники, числом не менее десятка, обступили меня.

— Нарушение границ собственности, — перечислял Дорсети-младший. — Оскорбление достоинства, угрозы… Вяжите его. Мы на веревке отведем этого зазнайку в городской магистрат.

— Не нужно, мальчик мой. — Дорсети-старший поморщился. — Давай простим его на первый раз. Все-таки он нам — хе-хе — родственник…

Тут уж я просто света не взвидел, потянул меч из ножен, но меня сбили с ног и выбросили за ворота.

Ценою нечеловеческих усилий я смирил уязвленную гордость и обратился в магистрат с жалобой. Чиновник, принявший меня, пожал плечами.

— Для обыска особняка Дорсети у властей нет основания, — изрек

он. — Если Дорсети не желает продавать вам свою рабыню — так это его дело, и помочь вам я ничем не могу. Она является его полной собственностью. Если же вы попытаетесь силой ворваться в дом, вас просто убьют или посадят в тюрьму. Возвращайтесь-ка вы, откуда приехали.

Вот и вся история. Остается добавить, что я заплатил за объявление, в котором говорится о работе для опытного следопыта. Но за два дня ты — первый, кто пришел. Если у тебя получится выследить, где Дорсети прячет Ремину, я дам тебе двести золотых. А если ты украдешь ее для меня — получишь тысячу.

Конан присвистнул.

— Даже не знаю, — произнес он задумчиво. — Дельце не из простых. Что ж, завтра посмотрим, что я смогу сделать. Но есть одна заминка…

Герцог и его оруженосец с удивлением посмотрели на варвара, который продолжал говорить ничего не значащую чепуху и при этом знаками приказывал молчать. Поднявшись, он на цыпочках прошел через зал и очутился возле окна, закрытого деревянными ставнями. Затаившись, как барс перед прыжком, Конан внимательно вслушался в шум дождя, а затем неуловимым глазу движением распахнул ставни и обеими руками ухватил за горло человека, стоявшего за окном.

Тот попытался разжать его хватку, но глаза его выкатились, язык высунулся и свесился набок.

— Готов! — воскликнул Гизмунд.

Конан втащил убитого через окно в зал и бросил на пол.

— Разумеется, за вами следили, — сказал он.

— Ты услышал его дыхание? — удивился герцог.

— Нет. Я услышал, как он перестал дышать, когда ты назначил цену, — усмехнулся варвар. — Все-таки это большие деньги.

Носком сапога Конан поддел неподвижное тело и перевернул его лицом вверх.

— Держу пари, что этого парня вы не видели в доме Дорсети, — сказал он.

— Ты его знаешь? — поинтересовался Мироваль, брезгливо морщась.

— Я знаю десятки таких, как он. Это — грязные людишки. У них грязные руки, грязная совесть и грязные мысли в головах. — Конан сплюнул. — Таких — целая орава в любом крупном городе. Лично они никогда не встречаются с тем, кто нуждается в грязных услугах, — обычно их опекает владелец какого-либо борделя. Заказчик платит хозяину, а тот, в свою очередь, направляет на дело подобную дешевку. Они готовы на все

что угодно — соглядатайство, убийство под видом грабежа…

— Неужели ты осуждаешь убийство? — с усмешкой проговорил Гизмунд. — Никогда бы не подумал.

— Когда мне нужно убить — я убиваю, — мрачно ответил варвар. — В честном бою и без всяких фокусов. Тем более, не использую таких гнусных штуковин!

С этими словами он вынул из-под одежды мертвеца короткую, полую тростинку, вставил в зубы ее кончик, повернул голову к стене и коротко дунул.

Таракан, бежавший по своим тараканьим делам, застыл, пришпиленный к стене маленьким дротиком, оперением которому служил пучок разноцветной щетины.

— Знатное оружие, — рассмеялся Гизмунд. — А как оно супротив крыс? Действует?

— Такой колючки достаточно, чтобы убить быка, — сказал Конан. — Почти мгновенно. Очень сильный яд. Этот тип мог перебить нас так, что мы бы и не почувствовали.

Герцог Мироваль поднялся из-за стола.

— Я полагаю, вы советуете нам держаться поосторожнее? — спросил он.

— Еще бы! — воскликнул Конан. — Было бы глупо выполнить работу, но лишиться работодателя.

Пристав Гаттерн был в крайнем раздражении. Волосы на его черепе росли редкими клочьями, причем разной длины и цвета — одна прядь успела поседеть целиком, другая — только наполовину, а третья все еще оставалась медно-рыжей, и так — по всей голове! По этой причине пристав редко снимал свою кожаную шапку с наушниками, усыпанную стальными бляхами. Теперь он все-таки сдернул ее и отирал вспотевший лоб застиранным полотняным платком, а это служило верным признаком его скверного настроения.

Труп, пролежавший в зале до утра, двое солдат сволокли во двор и бросили на телегу.

Конан завтракал.

— Добрые люди свинину с капустой запивают непременно пивом! — изрек он, обращаясь к приставу. — А у вас в Аквилонии даже мамалыгу запивают вином. Брось дуться, Гаттерн, — ты не можешь задержать меня по обвинению в убийстве. Я всего лишь защищался.

— По прошлой зиме у меня уже были из-за тебя большие неприятности, — напомнил Гаттерн. — Уезжай.

— На этот раз все обойдется, — заверил его киммериец.

— Не верю. Ты не умеешь жить в городах. Как вышло, что этот парень напал на тебя? Он ведь не из этого района. Он — один из людей Сохо. Вывод — твой труп нужен Сохо. А это значит, что по моему участку начнут шляться чужие головорезы. Пойми, северянин, я этого не хочу.

— Я не ссорился с Сохо, — солгал Конан.

— Значит, кто-то другой заплатил ему за твою голову.

— Чушь! — Варвар разыграл благородное негодование. — Твой долг — защитить меня силой закона, а ты гонишь меня из города.

— Я все равно найду повод вышвырнуть тебя! — упрямо гнул свое пристав.

Конан не боялся его ничуть, но все же питал к Гаттерну искреннее уважение. Гаттерн был, что называется, честным стражником. Конечно, он не мог искоренить в Галпаране преступность и оказался вынужден уживаться с существующим положением вещей. Однако Гаттерн редко отступал от своих принципов и всегда держал слово.

— Ладно! — сказал Конан. — Дай мне два дня, потом я уеду.

Поразмыслив несколько мгновений, пристав кивнул.

— Кстати, — произнес он, — до вчерашнего дня здесь проживал некий герцог Мироваль. Неведомо ли тебе, куда он исчез?

Варвар рассеянно пожал плечами и сосредоточился на свинине с капустой.

Герцог и его оруженосец покинули Галпаран еще затемно. Они будут ждать Конана в заброшенной таверне без названия на восточной дороге. Мужланы там смирные и приветливые, разбойников почти не водится. Да если и найдутся таковые — для бывалого рыцаря вместе с оруженосцем они не составят серьезной угрозы. Другое дело — бледные городские наемники, бьющие исподтишка, шныряющие, подобно крысам, по подворотням и запутанным переулкам. Перед отъездом коротышка Гизмунд с великой неохотой отвязал от пояса кошель — средней тугости колбаску, фаршированную серебром.

— Это на расходы, — сказал герцог, — Если нужно больше — скажите.

Конан решил, что этого хватит, и Снежок унес Мироваля в черноту городских улиц. Мул, пыхтя и подбрасывая Гизмунда на своей широкой спине, затрусил следом.

Хозяин таверны, хоронившийся где-то в потайной комнатке, явился и очень распереживался по поводу мертвого тела. Он и вызвал стражу. Визит пристава позволил Конану выяснить, кто из крупных городских подонков

является «подрядчиком» Дорсети. Аэрон Сохо начинал свою карьеру обыкновенным уличным воришкой. Было это в незапамятные времена, задолго до рождения Конана на свет. Потом юного карманника нанял для мелких услуг один чародей, деятельность которого противоречила закону. Чародей этот умел превращать любой съедобный предмет в сильнейшее «снадобье грез», причем внешне предмет оставался таким же, каким был до превращения. У чародея собралась обширная клиентура, а также образовались и конкуренты. Ночная война длилась почти зиму — неприметные, серые люди выскакивали из темноты и плевались друг в друга отравленными иглами. Так вышло, что Аэрон Сохо победил. Конкуренты чародея либо погибли жутким образом, либо поспешно сменили род занятий.

— Я вполне могу заняться самостоятельным делом, — сказал Сохо чародею. Тот согласился. А что ему оставалось делать? Полая камышинка смотрела ему в лицо. Сохо основал «Вагруну» — самый большой дом увеселений в городе. В «Вагруне» работали самые аппетитные крошки, шла самая крупная игра, а к столу подавались изысканнейшие вина и многое другое. Теперь об этом смешно вспоминать, но некогда Конан и сам подрабатывал там в качестве наемного гладиатора. Благопристойные господа горожане очень любили смотреть на гладиаторские бои.

Одно время варвар был доволен местом и весьма — популярность приносила хороший доход.

Но однажды четверо хорошо одетых господ с грязными лицами вошли в раздевалку и от имени самого Сохо выразили полную уверенность в том, что он, Конан, сегодняшний бой проиграет. Варвар счел себя оскорбленным и удалился, оставив четверых плавать в мраморном бассейне вместе с живыми миногами.

Теперь существовала большая вероятность, что Сохо лично заинтересуется этим делом. Если вчерашний шпион был не один, владелец «Вагруны» уже знает, кто представляет интересы Мироваля.

Но Конан меньше всего думал об этом.

Столовым ножом он соскреб засохшую грязь со своих сапог и штанов, встряхнул высохший плащ и решил, что его внешний вид вполне сойдет для городской прогулки. Час был еще ранний, солнце светило свежо и ярко, и Галпаран тщательно прятал в темных закоулках свою мрачную изнанку. Подмастерья и молодые мастера давно уже были за работой, мастера постарше только-только появлялись на улицах — шагали степенно и чинно. Отворялись лавки, с первым визитом спешил медик, торопясь уморить очередную жертву. На рынках между прилавков уже мелькали

широкие зады кухарок. Труп молодого ювелира, заколотого своим нервным конкурентом, уже убрали с площади, а место, где он лежал, давно присыпали чистым речным песком.

Дом Дорсети запирал собою улицу Менял. Он и в самом деле был аляповат и напоминал примятый торт с подтаявшей глазурью. Конану показалось даже, что он слышит назойливое жужжание мух, облепивших фасад.

Воротами решетка ограды вызвали у варвара усмешку.

— Через это уродливое нагромождение глупого железа перелезет даже увечный, — пробормотал он себе под нос. — А вот и угловая башня… На стене столько выступов, завитушек и дурацких украшений, что я без труда заберусь по ней хоть до самой крыши. Да я просто обязан навестить этот милый особнячок. Устраивать дом таким образом — значит вешать на нем табличку: «Дорогие воры, заходите пожалуйста!» Хм… Уж там есть чем поживиться. Само собой, прихватив пару безделушек на память, я не забуду и о зазнобе герцога…

Увлеченный этими мыслями, варвар обошел дом кругом, наметил себе удобный маршрут для ночного визита и направился отыскивать какое-нибудь питейное заведение. Обычно он всегда действовал так: в день серьезного предприятия застревал в таверне, где преувеличенно пил, щипал служанок и затевал потасовки. К вечеру он надоедал всем безмерно. Потом, погрузившись в опьянение, затихал, а прислуга с облегчением вздыхала. Убедившись, что за ним не следят, лже-пьяный потихоньку покидал заведение, более или менее удачно присваивал чужую собственность, потом так же незаметно возвращался обратно, где просыпался и вновь начинал буянить и пить, уже по-настоящему. Таким образом, и прислуга, и собутыльники оставались в уверенности, что несносный варвар торчал в кабаке безвылазно и, следовательно, не мог совершить ничего предосудительного за его порогом.

Сегодня Конан решил воспользоваться гостеприимством «Седой Совы» — местечка уютного, не слишком дорогого и известного тем, что вино в нем не очень разбавлено. Выбрав себе наиболее удобный стол — и от входа недалеко, и до стойки рукой подать — Конан изгнал из-за него взъерошенного школяра с подбитым глазом и заказал себе первый кувшин вина.

— Здесь занято! — зарычал он, не поднимая головы, когда увидел перед собой ноги в ботфортах и края дорожной одежды.

Пришелец не испугался, сел как ни в чем не бывало, напротив Конана, звякнул кольцами на ножнах узкого клинка и произнес женским голосом:

— Я рада, что ты занял этот столик для нас двоих.

— Зонара! — воскликнул Конан, вскинув голову. — Кром Великий! Тебя же казнили в Луксуре!

— Жаль тебя разочаровывать, — промурлыкала женщина в мужском дорожном костюме. — Но я успела уйти, обчистив пирамиду. Казнили другую, менее удачливую. Это скучно. Скажи лучше, что ты делал сегодня возле дома Дорсети?

— Гулял, — отрезал Конан мрачно.

— Собираешься пошуровать там? Забудь, это слишком опасно.

— Опаснее, чем в пирамидах?

— В какой-то степени. — Зонара потянулась. Варвар не доверял ей, однако грациозное и

сильное тело этой женщины, готовое выскочить из одежды, волновало его.

Еще он недолюбливал таких женщин за то, что они знают о своих почти колдовских способностях и широко пользуются ими.

— Хорошо, что ты еще не пьян, — сказала она, и в ее карих глазах запрыгали огненные змейки.

— Скоро буду, — пообещал Конан.

— Мне тебя не отговорить?

— В смысле выпивки?

— В смысле Дорсети, глупый.

— А что тебе-то за интерес? — прямо спросил он. — Сама присмотрела себе этот домик? Скажи честно!

— Честно? — Зонара улыбнулась, показав остренькие зубы. — Там нет ничего интересного.

Поглядев на него серьезно, Зонара сказала:

— Я ведь знаю, что тебе нужна Ремина, рабыня Дорсети. Ты работаешь на одного сумасшедшего герцога. Он ничего, но скорбен главой, по-моему.

— Откуда тебе известно?

— Я обратила внимание на его объявление. Но его слуга не принял меня всерьез. «Дамочка-следопыт! Умора!» — так сказал этот мерзкий недомерок. Тогда я стала за герцогом следить… и не я одна, но ты об этом уже знаешь. Я слышала ваш разговор этой ночью. Послушай, мне большая нужда в деньгах… Давай сделаем все вдвоем? Один ты не справишься.

— Почему ты так считаешь?

— Ты ведь не знаешь, в чем там дело.

— А в чем может быть дело? — не понял ее Конан.

Зонара поглядела на него с сомнением.

— Все-таки ты дубина, — заявила она. — Пораскинь умишком! Почему Дорсети не продал Ремину герцогу? Ведь титулованный сумасброд мог заплатить хорошую сумму, совершенно не торгуясь.

— Может быть, — предположил варвар, смущаясь, — он тоже… того… влюбился…

Зонара вскинула голову и рассмеялась так громко, что на нее обернулись остальные посетители.

— Для того, чтобы влюбиться, надобно сердце, глупый мой северянин, — сказала она. — А у Дорсети нет сердца, причем — у обоих, и у папаши, и у сыночка. Это у них фамильное. Ты пьешь красное? Спроси мне мускатного и фруктов. Выпью с тобой за старые денечки…

В «Седую Сову» вошли двое — старик с разбитой, неладно склеенной виолой и девчушка лет семнадцати. Одеты они были чудно — в пеструю живописную рванину, тщательно выстиранную. Косматая седая шевелюра старика была чисто вымыта и пахла душистым мылом. Даже его подбородок, покрытый серебристой щетиной, обладал неким горделивым достоинством.

Девочка быстро расстелила на полу лоскутный коврик, освободилась от тяжелых деревянных башмаков и легко вскочила на мозаичный мягкий квадрат. Смычком, похожим на лук кочевника, старик провел по струнам виолы, родив неожиданно сильный и чистый звук, и заиграл быструю плясовую мелодию. В такт он притоптывал правой ногой, и привязанные к ней круглые бубенцы переговаривались озорными голосами. Лицом музыкант оставался серьезен, только пышные его брови шевелились, словно тоже плясали. Танцорка исполняла свой номер очень старательно — она была тонка, жилиста и слишком точна в движениях. У посетителей она вызвала интерес, но не похотливый, а напротив — даже трогательный. Ей сопереживали и хотели, чтобы она нигде не ошиблась. Подавали, впрочем, немного.

Выпив, Зонара смотрела на танцорку с грустной задумчивой улыбкой. Не то чтобы Конан хорошо разбирался в женщинах, но с ней он был давно знаком и знал, чем вызвана эта улыбка.

Десять лет назад Зонара такой же тонкой и жилистой девочкой танцевала в недорогих тавернах. Другой судьбы она себе не представляла — с трех зим ее готовили к этой участи, причем учили не только танцам, но и ремеслу акробата.

У дяди Гинко была особого рода школа, куда приводили своих детей уставшие от нищеты родители. Приводили и оставляли навсегда, чтобы не

думать о прокорме лишнего рта.

По-своему очень неплохой человек, дядя Гинко был суровый учитель. Прежде всего, он калечил некрепкое детское тело — растягивал мышцы, вывихивал суставы и жестокими упражнениями приучал воспитанников к выносливости. Затем растянутые мышцы наливались силой, суставы приобретали невероятную гибкость, а все тело становилось эластичным, ловким и очень послушным.

Под присмотром дяди Гинко выросло четыре или пять поколений танцоров и акробатов, многие из которых не только имели верный кусок хлеба, но и сделались очень богаты.

Зонара выдержала эту многолетнюю пытку, к тому же, как она сама уверяла, у нее был талант. Но дядя Гинко не успел выпустить ее в жизнь. Однажды он поскользнулся на мокрой мостовой, упал и разбился насмерть.

Его подопечные разошлись, кто куда. Зонара примкнула к одному бродячему театрику, который был очень плох — состоял из спившихся жалких неудачников обоего пола. Кто-то из них, на постоялом дворе, где давали представление, стянул у горожанина кошелек. Горожанин поднял шум. У него были лоснящиеся висящие щеки и косое пузо. Актеров, конечно, заподозрили сразу. Вор, чтобы не быть уличенным, подбросил кошелек в сумку Зонары. Когда похищенное обнаружилось, Зонару схватили.

Главный неудачник уговаривал горожанина: — Зачем арестовывать бедняжку, губить ей жизнь? Если она виновата, отведи ее в комнату и потешься. А так ее повесят, и у нее не будет возможности исправиться.

Но горожанин тряс щеками и не соглашался. Пьяная актерка — вероятно, истинная воровка, — механически гладила Зонару по волосам и ревела:

— Он — не человек! Он не человек!

Зонара несколько раз повторила:

— Это не я!

Но ее не слушали, и она поняла, что доказывать что-либо бесполезно.

В виду юных лет ей сохранили жизнь — только высекли под виселицей на глазах у утренней площадной рвани, а затем заперли в исправительный дом. Исправление заключалось в глупом бессмысленном занятии — трепле пеньки. Это было гораздо хуже порки — ее Зонара вынесла почти без слез после уроков дяди Гинко. Тупея от тоски и скуки, Зонара играла в свободные часы в воровские игры и слушала байки о ловких и хитрых людях, никогда не попадающихся, изобретательных,

словом — удачливых и потому достойных восхищения. Таким образом, исправительный дом сделал из танцорки воровку. А потом она убежала.

Горожанин с отвисшими щеками однажды нанял себе в дом молоденькую служанку. Он был очень рачителен и осторожен, перед выходом слуг из дома всегда лично обыскивал их на предмет серебряных ложек, а по ночам запирал всех домочадцев в их спальнях, размещенных по верхним этажам. Но вскоре после появления новой горничной его стали обкрадывать — нагло, методично, и на солидные суммы. Горожанин потихоньку сходил с ума.

Сторожа и днем и ночью ходили с дозором вокруг дома, всякий раз проверяя окна первого этажа и входные двери. Прислуга теперь не просто запиралась в комнате, а еще и приковывалась цепью к ножке кровати. Но кражи не прекращались. Все тайники, все уловки домовладельца оказывались раскрыты. В конце концов, доведенный до безумия, горожанин удавился.

Горничная была Зонарой. С ловкостью акробатки — спасибо дяде Гинко — она выбиралась из своего окна и по карнизу попадала в любое другое, по своему желанию. Снять с ноги кованый обруч, соединенный с цепью, тоже не составляло труда. Украденное Зонара прятала на чердаке, проникая в него через крышу.

После похорон жена домовладельца, похожая на яблоко, высушенное в темной каморке, сказала слугам:

— Я нищая и платить вам мне нечем. Те, кому некуда идти, могут остаться, пока дом еще не продали за долги.

Зонара не осталась, но, тронутая словами вдовы, подбросила почти все похищенное к дверям ее спальни.

Неизвестно, был ли у нее на самом деле талант к актерству, а вот к воровству — определенно был, и немалый. Слухи о нем скоро распространились далеко за пределы Аквилонии. Зонара путешествовала под видом скучающей молодой аристократки. Попадая в новый город, она в считанные дни обзаводилась поклонниками, входила в общество, присматривалась, а затем совершала дерзкую кражу, выполненную с эффектом.

Несколько раз ее ловили, но смерти Зонара всегда благополучно избегала. В целом новая жизнь ей нравилась, и она принимала ее целиком. Правда, изредка на нее накатывала тоска, ей становилось жаль себя почти до слез. От этого помогало только одно лекарство.

— Пойдем-ка, снимем здесь комнату колокола на три, — обратилась она к Конану. — Все равно до вечера нужно чем-то себя занять.

— В прошлый раз это закончилось ссорой, — напомнил варвар. — Ты разбила об меня табурет, помнишь?

— Это потому, что мы слишком затянули отношения, — ответила Зонара без тени смущения. — Сейчас мы только побудем вместе и все. Мне это очень нужно. Пойдем же! Последним мужчиной, перед которым я раздевалась, был палач в Кордаве. Он миляга, но слишком увлекается своей работой.

Конан ухмыльнулся, покачал головой, поднялся и подал ей руку.

— От тебя откажется только евнух, — произнес он, и вдвоем они поднялись из залы. Старик-виольщик даже не покосился им вслед.

Комната оказалась маленькой — кровать занимала ее более чем на три четверти. Резные деревянные ставни, сработанные не слишком аккуратным подмастерьем, были прикрыты — из-за этого солнечные пятна и тени лежали поперек покрывала причудливым узором.

— Не угодно ли господам серенады за отдельную плату? — спросил слуга из-за двери.

— Проваливай к Нергалу! — рявкнул варвар. Зонара рассмеялась. Она мгновенно избавилась от одежды и легла, глядя на мускулистую фигуру Конана, разоблаченную еще только до половины. Солнечный узор покрыл ее кожу.

— Сначала — поцелуй по-аквилонски, — требовательно сказала она, когда варвар подошел к кровати, и горячими губами приняла его плоть.

В искусстве телесной любви Зонара также была талантлива. К тому же ее тело, гибкое и сильное — спасибо дяде Гинко — словно само изобретало прихотливые позы, усиливающие страсть и наслаждение.

Кровать, как Конан и опасался, немилосердно скрипела и, подпрыгивая, стучала об пол толстыми ножками. Скоро, не выдержав яростного напора, она и вовсе развалилась, и любовники, громко смеясь, забарахтались в простынях уже на полу.

Через три поворота клепсидры оба утомились. Обернувшись покрывалом, Конан высунулся за дверь и громовым голосом потребовал холодного вина. Вероятно, грохот, учиненный любовниками, был слышен и в зале, во всяком случае, слуга, принесший кувшин и чаши, поглядел на варвара с большим уважением.

— Значит, мы договорились? — спросила Зонара мурлыкающим голосом, проводя шелковистой подошвой по ноге Конана.

— О чем? — удивился варвар, блаженно щурясь.

— Идем на дело вместе. Деньги пополам.

— Очень этого не люблю, — произнес он, мрачнея.

— Чего — «этого»?

— Сначала ты отдаешься мне, потому что тебе это «необходимо», а потом оказывается, что за эту услугу я должен чем-то платить. Может, сразу возьмешь деньги? У меня есть десять серебряных монет — более чем щедрая плата за ласку.

Зонара вскинулась и хлестнула Конана по щеке, отбив ладонь.

— Скотина! — закричала она. — Принимаешь меня за шлюху? Мне нужно пятьсот золотых, а свое серебро можешь смело…

— Особа с такими аппетитами, конечно, не шлюха, а деловая женщина, — перебил ее варвар, широко ухмыляясь. — Мне ведь денег не жалко. Я, если ты хочешь, и так с тобой поделюсь. Просто я привык работать один. Мне нет охоты отвечать за подручного.

— Отвечать? Перед кем? Мне не нужно, чтобы кто-то за меня отвечал, — злилась Зонара. — Если я вляпаюсь, отвечу за все сама. Опыт у меня есть. Боишься, что я тебя выдам?

— А если тебя убьют?

— Рано или поздно это произойдет. — Она пожала плечами. — К такому исходу я давно уже готова. Возьми меня в сообщницы, Конан. Клянусь поцелуем по-аквилонски, я очень тебе пригожусь. Ты ведь не знаешь того, что знаю я.

— Долго думать — не в моих привычках, — объявил варвар, надевая рубаху. — Хорошо. Только прежде скажи, что же тебе известно.

— Не обманешь?

— Когда я тебя обманывал?

— Дважды обманул. Один раз — с рыжей Анной, а другой…

— Ладно, неважно. Даю слово!

Зонара довольно потянулась. Процесс одевания занимал у нее считанные мгновения, но она никогда с этим не спешила — ей нравилось состояние наготы, нравилось, что на нее смотрят.

— Слушай же, мой неотесанный друг, — начала она. — Но сначала ответь: что ты знаешь о Дорсети?

— Он — богатый меняла, — сказал Конан. — С ним все ясно.

Зонара усмехнулась.

— Отец нынешнего Дорсети-старшего был золотарь.

— Ювелир?

— Нет, дерьмовоз. Он разбогател только под конец жизни.

— Нашел клад в дерьме?

— Не думаю. В любом случае, богатство свалилось на него вдруг. Он купил дом, перестроил его по собственному желанию и завел себе слуг. С

большим успехом участвовал в нескольких торговых сделках и за зиму обогатился более чем в пять раз. Об этом есть сведения в архиве городского магистрата.

— Что ты делала в архиве?

— Наводила справки. Там есть много интересного про достопочтенных жителей этого города. Ну, так вот, в эту же зиму без вести пропала молодая женщина, сирота по имени Амбрис. Она находилась на попечении городского совета, который прикарманил деньги ее умерших родителей. Я видела ее портрет — так себе, ничего особенного: зеленые глаза, темные волосы, родинка на шее.

— При чем здесь это? — снова перебил ее Конан.

— Следствие решило, что ни при чем. Слушай дальше. Разбогатевший золотарь умер. Его сын долго пытался продолжить обогащение фамилии. В этом ему помогала сестра, впоследствии вышедшая замуж за одного провинциального графа, что тебе уже известно со слов герцога Мироваля. По первости Дорсети терпел большие убытки. Но вот однажды удача вернулась в их дом. Бывший уже на грани разорения, он не только вернул отцовские денежки, но и приумножил их в пять раз. Это было пятнадцать лет назад. В эту же зиму в Галпаране исчезла без следа юная Домина, дочь ювелира, погибшего за три зимы перед тем. По описаниям, у нее были зеленые глаза и маленькая родинка на шее.

— Пустое совпадение, — сказал Конан.

— Как бы не так! С тех пор трижды, по одной в пять лет, пропадали девушки или женщины-сироты, и у каждой были глаза зеленого цвета и темные волосы. И родинка. И каждый раз, в зиму исчезновения, Дорсети обогащался…

— Позволь-ка догадаюсь… в пять раз, правильно?

— Да! Это совпадение? Ты веришь, что это случайность?

Конан потер кулаком лоб.

— Или ты больна на голову, или здесь пахнет магией, — процедил он. — А может, и хуже.

— Гораздо хуже! Сестра Дорсети послала Ремину к нему в лапы. И это тоже не случайно.

Зонара ликовала, видя недоумевающую физиономию северянина.

— Проклятье, почему я не догадался узнать у герцога внешность Ремины? — прорычал он.

— Потому что ты осел, — улыбнулась его сообщница. — Смотри-ка!

С этими словами она протянула ему небольшой медальон, оправленный в черненое серебро. Внутри него помещался овальный

миниатюрный портрет — женская головка на синей эмали.

— Кром! — вскричал варвар. — Глаза зеленые, родинка на месте… Это Ремина!

— Ну конечно, на нем же написано.

— Да? Интересно. Откуда он у тебя?

— Вчера, в толчее, я украла его с герцогской шеи.

— Вот это ловко! — восхитился Конан. — Мне бы и в голову никогда не пришло красть такую мелочь.

— В нашем деле мелочей не бывает.

— Но зачем Дорсети женщины с одинаковыми приметами? Он приносит их в жертву?

— Ты догадлив, — кивнула Зонара. — Да. Это цена обогащения. У него договор с кем-то из низших божеств. Судя по тому, что я знаю об их вкусах, бедняжки погибали ужасной и долгой смертью. Ремине угрожает та же участь.

— Как бы не так! — варвар оскалил зубы и потряс кулаками. — Дому Дорсети конец! Хорошо, что мы встретились вовремя!

— И я так думаю, милый.

В обычном состоянии Конана бы передернуло от этого «милого», но сейчас он пропустил его мимо ушей.

Дорсети-старший и Дорсети-младший нервничали. Они не были похожи внешне, особенно на первый взгляд, да и нервничали по-разному, на свой лад каждый. Старший, апатично моргая, зевал, и в горле его при этом что-то хрипело и булькало. Младший поглядывал на него с омерзением, лихорадочно и без цели дефилировал по комнате, сплетал и расплетал пальцы рук и время от времени, вздернув кверху узкий, скошенный подбородок, визгливо хохотал. Глаза у него то подергивались дымкой какого-то отупения, то вдруг вспыхивали остро и яростно.

Между ними находился шахматный столик, инкрустированный обсидианом. Фигуры на доске пребывали в патовой ситуации — платиновый дракон запутался в окружающих элефантусах. Магистр в золотых доспехах запер его, а с боков два золотых же рыцаря-конника не оставляли возможности пройти.

— Я ненавижу юношей, — вдруг проговорил Дорсети-старший. — Ненавижу их петушьи голоса, их глупую дерзость, развинченные телодвижения, прыщи, их пустые головы, болтающиеся взад-вперед на верблюжьих шеях…

Дорсети-младший, по своему обыкновению, захохотал.

— Как хорошо, что в Галпаране разрешены поединки, — продолжал

отец. — Как хорошо, что подростки могут вволю тыкать друг в друга своими железяками. За неделю один-два погибают. Это прекрасно! Я бы даже велел им драться, в приказном порядке. Хорошо бы еще завести в город постыдную — смертельную болезнь. Тогда молокососы перемрут почти все.

Отсмеявшись, его сын вдруг резким, порывистым движением уселся на стул напротив, смахнув локтем с доски несколько фигур — те упали с тяжелым стуком, калеча лакировку красного паркета. Он вперил горящие глаза прямо в обрюзгшее лицо своего родителя и сказал:

— Если бы ты послушал меня, старый дурень, Мироваль давно был бы мертв. Я не верю, что он отступился и уехал!

— Ты закажешь перстень у сапожника? Или новую тунику у пекаря? — возразил Дорсети-старший с ленивым брюзжанием. — Ведь нет? Каждый должен заниматься своим ремеслом, сообразно цеховой принадлежности. На этом стоит опора благопристойности, и…

— «Стоит опора», — передразнил отца молодой негодяй. — Изящный оборотец! Ты полагаешь, этот Сохо удовлетворился твоими объяснениями?

— Я ничего ему не объяснял. Просто сказал, что мне нужно знать о каждом шаге герцога, и заплатил. В этом — основное достоинство ремесленного подхода к делу. Ты же не объясняешь сапожнику, к чему тебе новые сапоги.

— А вдруг он случайно пронюхает о… — Дорсети-младший осекся и вдруг, качнув головой, вонзил пальцы в свою причесанную шевелюру, словно пытался остудить жжение, поселившееся под черепной коробкой. — Почему он опаздывает? Почему люди все делают медленно — медленно ходят, медленно говорят, медленно думают? Это мучительно. Я приставил бы к каждому конюха с розгой, чтобы тот его подгонял.

С этим он вскочил и метнулся было к окну, покрытому фисташковым бархатным пологом, однако по пути остановился, развернулся на каблуках и застыл, склонив голову на сторону.

— «Пронюхает, пронюхает»… Ты похож на новейшую гадательную книгу, — фыркнул отец. Ну и что, если пронюхает? Он не станет болтать.

— Зато станет шантажировать, — угрюмо высказал сын.

— Шантажируют родовитые шлюхи и торговцы зельем. Такие, как Сохо, берут под опеку.

— Его опека будет дорого стоить.

— Мне она ничего не будет стоить. Я заключу с ним соглашение. Пусть он находит подходящих девок и жертвует их от своего имени. Пусть богатеет.

— Но ведь тогда он рано или поздно станет богаче нас! — мысль об этом показалась Дорсети-младшему невыносимой.

— Ради Маммония! — оттопыренные сизые губы Дорсети-старшего сложились в улыбку, похожую на болотную орхидею. — Всех денег не получить.

— Ты не понимаешь, — со злобой прошипел его сын. — Не понимаешь! Ты, зачатый под бочкой с дерьмом! Для тебя то, что мы делаем, — пустяк, обыкновенная процедура. Ты затыкаешь уши ватными тампонами, чтобы не слышать вопли этих глупых тварей, когда они варятся заживо. Ты деловито хлопочешь, совершая ритуал. А ведь это — вершина человеческого могущества…

— О чем ты говоришь?

— О величии избранных! О нашем величии. Мы — необычные люди, мы сами — почти боги. Крик жертвы должен быть для нас музыкой. И этим ты собираешься поделиться с каким-то подонком, содержателем дорогого борделя! Я поимел в его заведении почти всех девок и мальчиков! Его прислуга, давясь, собирала золото, подброшенное мною к потолку. Его приказчик за десять монет вымазался острым соусом для моей забавы… С ничтожеством, с продажным убожеством ты хочешь разделить блаженство сверхличности!

— А ведь ты болен, мой бедный мальчик, — молвил Дорсети-старший почти злорадно. — Скоро лихоманка сожжет твой мозг, ты будешь гнить заживо, бормотать безумные речи, пускать слюни и пачкать под себя. Какой конец для сверхличности!

Сын опять вздернул подбородок и рассмеялся. Глядя на него, Дорсети-старший неожиданно повторил его жест и сначала негромко пискнул горлом, потом закудахтал, а после — густо утробно заржал, трясясь рыхлым туловищем. По щекам его побежали крупные, в три карата, слезы. Он хлопал себя по животу левой рукой, а ноги, обтянутые черными штанами, выбивали дробь по паркету.

Дорсети-младший оборвал свой смех, на цыпочках шагнул к отцу, взял со стола фигуру золотого магистра — и ею ударил сидящего в висок. Сразу после этого наступила тишина. Отцеубийца поставил магистра точно на место, а платинового султана положил набок. Тот откатился чуть в сторону и застрял под копытами конника.

— Это — мат, — послышался отчетливый голос от входной двери.

Дорсети-младший подпрыгнул, повернувшись в воздухе.

В дверях стоял невысокий лысоватый мужчина с аккуратной бородкой, одетый в жемчужно-серую городскую одежду из плотного бархата. Такой

носят прижимистые рачительные люди, потому что ему не бывает сноса.

— А? — спросил Дорсети-младший.

— Насколько я понимаю, твой отец только что скончался, — проговорил мужчина вкрадчивым голосом. — Мои соболезнования. Ему нездоровилось?

— Да, да… — глухо сказал Дорсети-младший и отныне — единственный. — Хм, он умер, видишь ли… А ты кто?

— Вопрос вполне разумный. — Мужчина прищурился и крайне сдержанно поклонился. — Я зовусь Аэрон Сохо. У меня были дела с усопшим. Теперь, как мне кажется, ты занимаешься семейными делами?

— С этой терции. — Дорсети кисло улыбнулся, взъерошил челку и, стараясь не глядеть на мертвого, повернул свободный стул к посетителю, чтобы усесться на него.

— Мне жаль беспокоить тебя пустяками в момент тяжелой утраты, — молвил Сохо и ханжески закатил глаза, — но впереди — погребение. Лучше уж не мешкая покончить с более мелкими вопросами.

— Что ты узнал о герцоге Мировале?

— Он искал следопыта, уж зачем — не ведаю. Нашел или нет — тоже неясно. Мой шпион погиб. Теперь герцог уехал.

Повисла пауза. Дорсети выждал несколько мучительных терций и посмотрел на Сохо непонимающим взором.

— Герцог уехал, — повторил визитер.

— Ну и славно. Ты тоже можешь идти, — выдавил Дорсети.

— А гонорар? — Сохо поднял брови.

— Отец заплатил тебе, я знаю.

— Заплатил отец, заплатит и сын, — сказал Сохо и подошел к нему вплотную.

— За что?

— За удар. У твоего отца был удар, он упал и ударился головой о тумбу. Я сам видел. Никто не бил его шахматными фигурами.

Дорсети покачнулся на стуле.

— Сколько? — спросил он.

— Две тысячи золотом. С-спокойно! — зашипел Сохо, когда его собеседник потянулся к поясному кинжалу. Пальцы хозяина «Вагруны» сомкнулись на запястье Дорсети, и тот охнул.

— Ты меня не понял, — Сохо по-прежнему говорил мягко и тихо, при этом все сильнее сжимая свою хватку. — Я — Аэрон Сохо, и если я лично прихожу за деньгами, то уж получаю их сполна, будь уверен.

— В доме нет наличных, — обморочным голосом произнес Дорсети.

— Я знаю, идиот. Ты напишешь расписку. Веди меня в комнату… отца.

Потирая запястье и поскуливая, Дорсети на негнущихся ногах подошел к двери. До этого ему пришлось касаться мертвого — ключи висели связкой у того на поясе.

Невзрачный, серенький Аэрон Сохо, едва доходивший ему до плеча, совершенно парализовал Дорсети. От страха перед ним его стошнило.

В комнате, едва были зажжены светильники и тени запрыгали по стенам, Сохо сел в кресло и велел:

— Возьми пергамент в столе. Но прежде найди завещание старшего.

— Зачем?

— Чтобы не тратить зря чернила. Убедимся, что ты — наследник.

— А кто же еще? — взвизгнул Дорсети. — Больше некому.

— Никогда не пренебрегай заверенными свитками, — ухмыльнулся Сохо. — Особенно если сам нечист на руку. Ищи завещание, олух.

Через какое-то время, довольно продолжительное, Дорсети наконец увидел свиток особого, синеватого пергамента с характерной печатью. Он лежал на самом видном месте.

Аэрон Сохо выхватил документ из его рук, аккуратно снял печать, развернул свиток и присвистнул, пробежав глазами содержание.

— Да ты, оказывается, голодранец! — сказал он насмешливо. — Понимаешь, что это значит?

Дорсети облился ледяным потом.

— Как? — спросил он. — Кто?..

— Твоя тетя. От родственников — одни неприятности! Ее ты тоже убьешь шахматами? Или на сей раз выберешь игру попроще?

— Подожди, подожди… — сбиваясь, забормотал Дорсети, шаря глазами вокруг себя. — Я умею подделывать его подпись. Тело мы спрячем. Ты получишь свое золото.

— Как бы не так! Твой отец был хитер. У менялы, кроме векселя, спросят еще и заветное слово, который покойник менял раз в три дня.

— Я знаю, знаю! «Мандрагора».

— «Мандрагора» была три дня назад. Все, мне пора. — Сохо поднялся. — Тебя четвертуют, я думаю. Прощай.

Дорсети догнал его в коридоре.

— Зачем тебе доносить на меня? Какая выгода?

Сохо с нескрываемой скукой оглядел его ног до головы.

— Все знают, что я — преступник, — проговорил он. — Но в глазах закона я — добропорядочный горожанин. Время от времени репутацию нужно поддерживать. Если я выдам коварного отцеубийцу, мне простится

многое. И потом — ты мне неприятен. Твой папаша был делец, а ты — помешанный.

Вызвав удивление Аэрона Сохо, Дорсети хохотнул.

— Почему, ну почему вы все мне об этом говорите? — спросил он.

Кинжал с его пояса еще в кабинете перекочевал в рукав туники. Сохо слишком поздно заметил пустые ножны — холодная сталь уже перерезала ему глотку.

Угасающим взором он видел, как его убийца прохаживается возле, жестикулируя, словно актер перед публикой, и слышал сквозь шум приближающейся смерти следующий короткий монолог:

— Судьба непредсказуема! Только что ты был страшным, почти всесильным и крайне самоуверенным — и вот лежишь на полу, хрипишь, из тебя течет кровь на дорогой ковер, а через терцию ты вообще превратишься в кусок падали. Не правда ли, странно устроена наша жизнь?..

Потом Дорсети выронил кинжал, нашарил под туникой серебряный свисток, висевший на цепочке через шею, и пронзительно засвистел. Личная гвардия дома сбежалась, бряцая оружием. Увидев зарезанного, наемники переглянулись в немом изумлении.

— Этот человек убил моего отца! — произнес Дорсети. — Я настиг его и отомстил своею рукой.

— Послать за городской стражей? — спросил старший охранник.

Утром. Пока перенесите ублюдка в комнату для игры в шахматы. Там — отец… Я хочу, чтобы он знал — я отомстил.

Старший охранник поклонился с глубоким почтением. Аэрона Сохо уволокли за ноги. В блеске масляных ламп кровавые следы были похожи на капли сургуча.

— А ведь я нищий! — объявил себе Дорсети. — Не значит ли это, что мне пора действовать? Право, это так непривычно, так неожиданно…

Тетка тоже не вечная, рано или поздно я верну отцовские деньги. А до тех пор обзаведусь своими. Тра-ла-ла! — запел он и, приплясывая, направился к винтовой лестнице.

Спустившись по ней в подвал, Дорсети отпер отцовскими ключами толстую свинцовую дверь, поменял лампу на яркий факел и шагнул в темную духоту.

— Ремина, пора вставать! — заорал он. — Тра-ла-ла! Пришел конец твоему заточению. Что есть жизнь, — как не заточение в убогой клетке тела?

Девушка в одной рубахе из мешковины, спавшая в колодках у стены,

проснулась. Испуг и недоумение отражались в ее лице, она всхлипывала, глядя, как Дорсети пляшет с факелом в руке и зажигает большие настенные светильники. Огонь больно ранил ее глаза, привыкшие к темноте.

В центре подвала возвышался алтарь, грубо вылепленный из глины-сырца, весь усыпанный золотыми слитками и драгоценными камнями. На нем стояла необыкновенно уродливая статуя, изображавшая толстого гладкого карлика, сидящего, скрестив вывернутые ноги. Статуя была золотая, но благородный металл весь покрылся черной липкой грязью. Только глаза и пасть блестели, отчего карлик выглядел еще гаже. В стороне от него стояла огромная печь с трубой, уходящей в потолок подвала. В печь был встроен большой котел, наполненный зеленоватой жидкостью. К его краям были припаяны два раздвижных кольца с зажимами.

Дорсети, весело ругаясь и бормоча, растапливал печь. Когда в трубе загудело, он выпрямился, вытер сажу на лице и подошел к пленнице. Сняв колодки с ее ног, он рывком поднял Ремину и, держа ее за руки, повел к печи.

— Ничего не говори! — шептал он ей в ухо. — Береги силы.

Она ничего не понимала, только страх все сильнее сжимал ее сердце.

К котлу вели каменные ступени. Ноги не слушались Ремину, и Дорсети втащил ее наверх почти волоком, заставил сесть внутри котла, погрузившись в зеленую жидкость по плечи. Жидкость оказалась тягучей и остро пахла.

Ремина сидела на самом дне, упираясь пятками в противоположную стенку. Дорсети зажал кисти ее рук в кольца, соскочил вниз и проговорил, кривляясь:

— Подожди чуть-чуть. Сейчас начнется самое интересное.

Жидкость была еще очень холодной, но стенки и дно котла быстро нагрелись и задрожали. Ремина вскрикнула и рванулась, но не смогла даже вскинуться.

— За что? Что я сделала! — простонала она.

— Ты виновата только в том, что у Маммония всегда хороший аппетит, — сказал Дорсети. — Кричи, если хочешь. Говорят, это облегчает страдания.

И Ремина закричала — но не от боли, а от ужаса. Она увидела статуэтку, которая больше не сидела на алтаре, а приплясывала вокруг котла, то и дело заглядывая внутрь.

Зонара прижалась к стене и затаила дыхание. Тень полностью скрывала ее.

Дом Дорсети, ярко освещенный со стороны фасада, остальными тремя

сторонами вдавался в непроглядный мрак. Сразу за ним заканчивалась улица Менял и начинался пустырь Проклятых Судей. Прежде там была рыночная площадь, на которой время от времени сжигали магов, уличенных в преступлениях. Такой способ казни по применению к колдунам и колдуньям считался самым эффективным. Однажды, по приговору магистрата, там сожгли некую Оливию, которая, как говорили, никогда не занималась колдовством. На свое горе она понравилась человеку, служившему в городском суде, но отказала его притязаниям. Судейский не оставил ее в покое, всячески преследовал, предлагал дорогие подарки, а то и просто запугивал. Жених Оливии, тележный мастер, имени которого народная память не сохранила, здорово отдубасил ухажера.

На следующий день Оливию схватили. Ее обвинили в наведении на город демонов и после долгих пыток сожгли.

А через неделю после казни, в куче гнилых овощей нашли судейского. Он был на последнем издыхании, его распоротое брюхо неизвестный мститель набил червивой брюквой. Затем погибли все, причастные к смерти Оливии. Всех их — каждого в свое время — обнаружили поутру на площади. Умерли они разнообразно: кто был зарезан, кто удавлен, кто выжжен изнутри посредством раскаленного железного лома… Тележного мастера, конечно, приволокли в суд.

— Я этого не делал, — сказал обвиняемый. — Вы, разумеется, уверены в обратном. Что ж, казните меня. Но если прав я, а не вы, то вас постигнет участь ваших предшественников, участь проклятых судей. Подумайте об этом.

Тележного мастера отпустили, и он уехал из Галпарана. Вероятно, мстителем был все-таки он, потому что на площади больше не находили мертвецов, хоть судьи и не всегда выносили справедливые приговоры.

Эту историю Зонара слышала в исправительном доме, и теперь с любопытством пялилась в темноту пустыря. С тех пор рынок перенесли, а пустырь почему-то пока не застроили. Он весь порос бурьяном.

По пустырю перемещались три человеческие тени, словно прохаживались, ожидая кого-то. Зонара решила подобраться поближе к ним.

Сама неслышная и легкая, как тень, она приблизилась настолько, чтобы слышать их голоса. Трое на пустыре шепотом переругивались.

— Здесь сквозняк, как в преисподней Зандры, — сказал один.

— Откуда ты знаешь, какая там погода? — спросил другой.

— Я родился в преисподней. Думаешь, это где-то далеко? Это здесь, в Галпаране, в пяти кварталах отсюда…

Третий захихикал.

— Долго он еще там? — опять подал голос второй, но ему не ответили.

Зонара под прикрытием темноты скользнула обратно. Одетую в черную одежду, ее мудрено было заметить.

У стены уже ждал Конан. Меч он перевесил с пояса за спину, чтобы тот не мешал двигаться, а волосы стянул на затылке в пучок узким ремешком. На этом его приготовления к делу и закончились. Он не взял с собой ни веревки с «кошкой», ни отмычек, полагаясь только на свою ловкость и силу.

— Прекрати улыбаться, — шепнула Зонара. — Твои зубы видны в темноте. На пустыре — люди Сохо. Что им тут понадобилось?

— Не имею понятия, — буркнул варвар.

— Пойди и убей их! Они меня раздражают.

— Давай договоримся раз и навсегда, — в голосе Конана послышались жесткие ноты, отрицающие всякого возражение. — Деньги мы делим пополам, но решаю, что делать, я. Один.

Зонара разозлилась.

— Не дави на меня, — зашипела она. — Я этого не люблю! Зачем я вообще связалась с тобой?

— В самом деле, зачем? — Варвар спокойно обошел ее и всмотрелся в стену дома. Огни горели только на первом этаже, где, очевидно, размещались прислуга и охрана. За забором прошли часовые, вооруженные алебардами. У одного из них качался в руках масляный фонарь.

— Эти глупцы всегда ходят с огнем, чтобы воры заранее знали об их приближении, — усмехнулся Конан. — Я заметил время обхода сторожей. Мужчине моих лет нужно в пять раз меньше времени, чтобы отдышаться между двумя любовными атаками.

— Но это все равно — очень мало! — подсчитала в уме Зонара.

— Пустяки. Мы успеем добраться по стене до балкона на третьем этаже.

— Влезем через балкон?

— Нет. Там, скорее всего, спальни. На балконе мы затаимся и переждем следующий обход, а потом поднимемся выше — под самую крышу. Окошки там узкие, но ты сможешь пройти и откроешь мне чердачный люк.

— А почему нам сразу не попасть в башню? — с сомнением спросила Зонара.

— Пленницы там нет, — уверенно возразил варвар. — Это яснее

ясного. После того, как она привлекла внимание герцога, выбросив платок, ее, я думаю, перевели в другое место. Помнишь, ты говорила, что Дорсети перестроил дом по своему вкусу? Если он действительно поклоняется одному из низших божеств, ему нужно было устроить где-то домашнее капище. Удобнее подвала места не найти.

Зонара поморщилась.

— Подвал — это слишком вульгарно.

— Что?

— Слишком… обычно. Нет, я думаю, что у них в самом центре дома есть потайной зал.

— Эти Дорсети — обычные гнусные скоты, значит, и делишки свои они обстряпывают обычным способом… вруль… гарным, — произнес Конан, раздражаясь. — По-моему, все-таки это подвал.

— Ты просто удивительно действуешь мне на нервы. — Зонара решила не уступать. — У тебя — каменный лоб! Неудивительно, что об него ломаются табуретки.

— Давай поссоримся потом, — предложил варвар примирительно. — После того, как получим награду.

— Если мы сделаем по-твоему, мы не получим и трех медных грошей! У меня другая идея.

— Какая? — насторожился Конан.

— Мы с тобой оба — мастера своего дела. Давай устроим состязание. Влезем, как условились, — вместе, помогая друг другу. А потом будем искать Ремину по отдельности, каждый — своим методом. Кто найдет ее первым — тот и получает весь герцогский приз целиком. Идет?

— Мне это не нравится, — произнес Конан, хмурясь. — Но и ты мне тоже надоела. Ладно. Т-сс… Вот идет дозор. Начинаем, как только стражники завернут за угол.

Едва лишь только шаги сторожей стихли в отдалении, оба мгновенно преодолели кованую решетку забора. Двор был засыпан колючим, розоватым гравием, который буквально визжал под ногами. Сообщники разулись и бесшумно подбежали к стене дома. Обувь, чтобы не мешала, перебросили через забор.

Зонара полезла первой. Для того чтобы удержаться на стене, ей требовались почти неприметные выступы. Конану помогала сила — он мог подтягиваться на одной руке, пока другая искала опору.

На балкон они попали как раз вовремя — гравий захрустел под сапогами наемников. Зонара стояла, прислонившись спиной к стене, а Конан, пользуясь своим умением видеть в темноте, заглядывал в окно. Оно

было завешено плотной тканью, но оставалась довольно широкая щель.

— Ты когда-нибудь видела, чтобы человек играл сам с собою в шахматы, сидя в кромешной тьме? — спросил он.

— Может, он спит?

— Да, спит. Сном глубоким и вечным.

— Ты хочешь сказать… в комнате мертвец?

Конан кивнул.

— У него разбита голова, он весь в крови.

— Лезем отсюда, — сказала Зонара. — Дозор прошел.

— Подожди… В доме происходит неладное. Это может иметь отношение к нашему делу.

С этими словами Конан извлек меч из ножен, вогнал его острие между дверью и боковой филенкой, после чего слегка нажал. С тихим скрежетом щеколда отошла. Дверь немного перекосило, и оконное стекло в свинцовом переплете треснуло в четырех местах.

— Грубо, — поморщилась Зонара.

— Но быстро, — ответил варвар и вошел первым.

— Да это не комната, а склад мертвецов, — усмехнулся он. — Гляди, вот еще один. Ого! Я его знаю.

Глаза Зонары немного привыкли к потемкам. Она шагнула вперед, сразу наступив во что-то липкое, выругалась и подошла ближе к варвару.

Рассмотрев искаженные смертью черты второго покойника, она вздохнула.

— Это… Аэрон Сохо! Теперь понятно — на пустыре его телохранители ждут, когда он выйдет, — шепнула она.

— Ждать им придется долго. — Конан осмотрелся. — Кто же его зарезал? И кто этот шахматист?

— Дорсети-старший. Может, они убили друг друга?

— Непохоже. Сохо принесли сюда уже мертвым. Вон, возле двери — пятна крови. Идем дальше, делать тут нечего.

Конан отворил дверь в коридор. Зонара вышла за ним.

— Тут наши пути расходятся, — проговорила она. — Я уже почти у цели, а тебе еще нужно искать вход в подвал. Только зачем? Там никого не окажется.

Конан повел плечом.

— По северной дороге есть заброшенная таверна. Там дожидается Мироваль. Если ты права, направляйся вместе с Реминой прямо туда, меня не дожидайся. Промедление может все погубить.

И он ушел, ступая неслышно. Зонара фыркнула ему вслед.

Ей совсем не хотелось ссориться с ним — это вышло как-то само собой. Но теперь уже поздно было мириться.

Она пошла по коридору, считая повороты. О существовании потайной комнаты ей было известно наверняка, как и о том, что комната эта находится на третьем этаже. Дело в том, что план перестройки дома, пылился в архиве городского магистрата. Конечно, тайник не был на нем обозначен прямо — на то он и тайник — но по странному расположению комнат на третьем этаже Зонара легко сделала нужный вывод.

Оставалось найти вход. Он явно замаскирован дубовой панелью, которыми обшиты стены коридора. Как же отыскать нужную панель?

Зонара соображала быстро. Для страшного ритуала жертвоприношения почти всегда необходим огонь.

Однако разводить огонь в глухой комнате — значит, задохнуться в дыму. Следовательно, нужна вентиляция, что-то вроде трубы очага. Если есть очаг, значит, есть и сквозняк. Пальцами босых ног Зонара принялась ощупывать стыки панелей с полом, пока не почувствовала легкое дуновение холодного воздуха.

— Есть! — Теперь осталось отворить дверь.

В это время Конан боролся на лестнице со старшим охранником. Тот наткнулся на варвара случайно, и Конану ничего не оставалось, кроме как ухватить его за горло.

Наемник был крепкий и отбивался отчаянно, пока варвар с легким сожалением не сломал ему шею. Нужно было спешить — убитого быстро хватятся. Конан сел на перила винтовой лестницы и съехал по ним до самого подвального этажа.

Тяжелая толстая дверь оказалась запертой на засов изнутри. Значит, за ней кто-то прячется. Но как сломать крепкий засов, не наделав много шуму? Хорошо Зонаре — она мастерица на всякие выдумки… Убедившись в том, что ничего изобрести он не в состоянии, Конан проворчал под нос:

— Придется ломать. А охрану перебить, если сунется.

Сказав так, варвар ухватился обеими руками за дверную ручку, уперся плечом и рванул на себя. Дверь даже не шелохнулась.

— Попробуем в другую сторону, — хмыкнул Конан, отошел на несколько шагов, разбежался с неожиданным ревом и ударил в дверь плечом. Та загудела и медленно отворилась.

Сломался не толстый засов из мореного дуба — скоба, державшая его у стены, оторвалась и отлетела. Из-за раскрытой двери сразу послышался женский крик, протяжный, захлебывающийся. А по лестнице уже топотала охрана.

Конан вбежал в потайное капище, на ходу обнажая клинок, который сразу засверкал при свете факелов.

Жидкость, в которой оказалась Ремина, стала теперь теплой, но стенки и дно котла уже обжигали. Дорсети, остолбеневший от неожиданности, уронил факел. А маленький лоснящийся уродец, бегавший вокруг котла, заверещал и принялся подпрыгивать на одном месте.

— Чужой! Чужой! Чужой! — выкрикивал он. — Чужой хочет съесть мою еду!

— Стой! — вскричал Дорсети. — Я все объясню. Стражники не должны видеть его!

Он обежал варвара, высунулся за дверь и заорал:

— Все в порядке! Идите спать! Убирайтесь, кому говорю!

Конан, которому некогда было размышлять о сути происходящего, взбежал по ступеням, чтобы освободить пленницу.

— Чужой! Чужой! — продолжал надрываться уродец. — Мое! Мое!

— Брысь! — прикрикнул на уродца Конан и пнул его ногой, после чего сам взвыл от неожиданной боли. Уродец оказался твердый и удивительно тяжелый.

— Ты ударил маленького хорошего меня? — Истошно заголосил он. — Такого сладкого, такого золотого?

— Он — статуя! — крикнула Ремина. — Золотая статуя!

Уродец, подтверждая ее слова, вскочил на алтарь, закряхтел, усаживаясь, и застыл.

— Статуя! — произнес Дорсети презрительно. — Это — кумир! Это — бог!

Конан разжал кольца, освободив руки Ремины, и вытащил ее из котла. Несчастную всю трясло, зеленоватая жидкость медленно стекала, образуя лужу вокруг ее ног.

— Не спеши… — Дорсети взял себя в руки и теперь вернулся к своей странной манере разговаривать. — Не спеши. Эту печку не так легко развести, поэтому я быстро все сейчас объясню, и мы продолжим. Мне очень нужно золото, понимаешь? Но Маммоний не дает их просто так. Его нужно кормить. Эта дуреха — кто она тебе? Сестра? Невеста? Или ты служишь герцогу? Понимаешь, если сварить девку заживо в специальном масле, то он ее обязательно съест. Меня это нисколько не смущает. Пусть себе кушает. Мне — плевать, поскольку я — сверхличность.

— Ты? — удивился варвар. — У тебя даже меча при себе нет.

Он свел Ремину вниз по ступеням, едва не поскользнувшись в масляной луже.

— Ей нужна одежда, — сказал Конан, обращаясь к Дорсети. — Снимай свою.

— Это как-то странно, — пробормотал тот, скосив глаза на кончик меча, блестевший у самого его носа. — А как же стража?

— Ты жив до сих пор только потому, что безоружен, — ледяное бешенство варвара постепенно раскалялось. — Не искушай меня.

Пока Ремина, дрожа от озноба, одевалась в мужское платье, Конан разрушал алтарь. Глина крошилась и превращалась в пыль. Дорсети сидел в колодках и следил за этим выпученными глазами. Рот его был заткнут замасленной рубашкой из мешковины, которая прежде была на Ремине. С глухим стуком золотой уродец рухнул на обломки алтаря. Чтобы поднять его, Конану пришлось напрячь все силы — даже для золотого кумир был слишком тяжел.

Варвар подтащил статую к печной дверце, отворил ее и кинул истукана прямо в бушующее ревущее пламя. Дорсети в отчаянии застонал.

— Я люблю золото, — сказал ему Конан. — Я очень люблю золото. На него можно купить хороший меч, коня, вино, женщину… Впервые я вижу человека, который любит золото больше, чем я. И этот человек мне не нравится. Ремина, нам пора идти.

Освобожденная заглянула в ледяные синие глаза варвара.

— Тебя послал Мироваль? — спросила она. — Он не забыл обо мне?

В верхнем краю панели, как раз на уровне вытянутой руки, Зонара нащупала выпуклую рельефную шляпку «обойного» гвоздя. Воровка нажала на нее пальцами, и панель совершенно бесшумно поднялась вверх.

Зонара уже была знакома с некоторыми механизмами, созданными для защиты тайников. Некоторые из них приводились в действие простыми силами, вроде скрытых пружин и рычагов, а некоторые работали при помощи магии. И те, и другие мало помогали от воров. Чем сложнее, хитроумнее и дороже было приспособление, тем проще и легче оказывалось его открыть. Старые добрые навесные замки доставляли больше хлопот — приходилось перепиливать дужку.

Зонара беззвучно хохотнула и уверенно ступила в проем.

Она полагала, что уже привыкла к темноте, но мрак потайной комнаты был гуще, плотнее.

Зонара не увидела собственных пальцев, поднесенных к самым глазам.

— Эй! — позвала она. — Ремина! Ты здесь?

Потайная комната была, судя по всему, совершенно пуста — эхо отразилось от голых стен и звонко загудело.

— Что же я кричу? — сказала себе Зонара и сделала еще один шаг

вперед.

Двигалась она очень осторожно, но все же задела ногой за веревку, протянутую на уровне щиколотки над полом, потеряла равновесие и упала. Даже в темноте, инстинктивно, Зонара успела сгруппировать тело и не ушиблась об пол. Но она была в ярости. Опытная взломщица, о ловкости которой ходят мифы, попалась на детской шутке с натянутой веревкой! Ругаясь вполголоса, она поднялась. Темнота перед глазами как будто сгустилась.

— Очевидно, варвар оказался прав, — сказала Зонара. — Хорошо, что его нет рядом, а то я бы наговорила ему гадостей.

Воровка двинулась назад, пытаясь ногой нащупать коварную веревку, а та куда-то подевалась, потому что Зонара скоро уперлась в стену.

Пройдя в другую сторону, до противоположной стены и нащупав перед собой гладко отполированное дерево обшивки, Зонара разразилась проклятием.

— Нужно же быть такой дурой! — произнесла она в сердцах через миг. — Зачем я бегаю от стенки к стенке? Можно просто идти вдоль стены, тогда дверь неизбежно отыщется.

Но споткнувшись о веревку, Зонара, очевидно, привела в действие запирающий механизм, и панель опустилась на место. Во всяком случае, повернув пять раз, то есть — совершив полный круговой обход комнаты, выхода она не нашла.

Медленно досчитав до пятнадцати, Зонара сказала:

— Если дверь закрылась, ее можно открыть.

Подняв руку, она принялась обходить комнату вновь, пытаясь при этом обнаружить хитроумный запор.

Почувствовав ногами легкий сквозняк, воровка обрадовалась:

— Это где-то здесь. Сейчас я его найду… Ага, вот он!

Под ее пальцами оказалась шляпка гвоздя, на ощупь — совершенно такая же, как и снаружи.

Зонара вздохнула, улыбнулась с видом победительницы и надавила на нее. Но панель осталась на месте, а с потолка на Зонару мягко упала густая, тяжелая и липкая сеть.

Зонара попыталась освободиться, но чем больше старалась выпутаться, тем больше запутывалась. Сеть обмотала ее, как кокон.

Обессилев, Зонара села на пол и, удивляясь своему спокойствию, сказала:

— Вероятно, я вляпалась. Значит, нужно выспаться, пока есть возможность.

Факелы в подвале давно погасли, только раскаленная печная дверца светилась неприятным желтоватым светом. Масло в котле бесполезно кипело уже несколько поворотов клепсидры и при этом ужасно шипело и издавало мерзкую вонь.

Вонь эта сгущалась, и Дорсети начал задыхаться. В какой-то момент он закашлялся так сильно, что кляп выпал у него изо рта.

— Роковая глупость моего отца имеет силу даже после его смерти, — изрек он. — А я обречен выкручиваться. Всю свою жизнь я выкручиваюсь… Отчего? Дурное расположение звезд? Несчастье характера?

Дорсети вскинул голову, чтобы расхохотаться, ударился затылком о каменную кладку, взвыл и отдался очередному приступу кашля.

Зеленоватый дым слоился перед пылающим квадратом печной дверцы. Вдруг дверца задрожала — что-то живое билось в нее с другой стороны. Дорсети умолк.

Потом дверца распахнулась и, рассыпая искры, ослепительно-золотой уродец выскочил из нее.

— Жарко! Жарко! — верещал он и бегал по кругу, оставляя дымные следы.

— Выпусти меня, Маммоний! — взмолился Дорсети. — Выпусти, и я сварю тебе разом двух, а то и трех девок. И у каждой будет родинка. Обещаю…

Но уродец не слышал его и продолжал бегать и вопить, охлопывая себя по округлым бокам коротенькими ручками.

— Остыть! Надобно остыть! — причитал он. — Я слишком горяч. Жарко, жарко!

Он подбежал к Дорсети, обдав его волной невыносимого жара, и ткнул пальцем в ногу, зажатую колодкой.

— На помощь! Спасите! Охрана! — заорал Дорсети. Волосы на его голове поднялись дыбом и стали скручиваться. Крохотный палец идола с шипением погрузился в мякоть ноги.

— Убирайся! — визжал Дорсети. — Я не твой!

— Мой! Мой! — в тон ему прокричал уродец и, словно кошка, прыгнул на живот скованного.

Рев умирающего Дорсети достиг ушей часового. Семеро охранников ссыпались по лестнице и навалились на свинцовую дверь, думая, что она заперта. Но дверь отворилась сразу. Наемники немедленно закашлялись и стали тереть слезящиеся глаза. Вдруг один закричал и замахнулся алебардой. Маммоний приплясывал, верещал и подпрыгивал, размахивая

руками. Теперь он снова был покрыт липкой черной жижей.

— Есть хочу! Есть хочу! — выкрикивал он. Охранник с алебардой примерился и ударил уродца по голове. Размягченный паром металл брызнул во все стороны, тело статуи превратилось в клубок белого пламени, клубок этот подскочил, расширился и в беззвучном взрыве заполнил собою первые два этажа дома Дорсети, уничтожив там все живое.

Городская стража, обратившая внимание на яркую беззвучную вспышку, подняла тревогу. Солнце едва успело взойти, когда главный городской обвинитель Маркус уже прохаживался перед злополучным домом. Это было его первое дело. Магистрат выбрал его позавчера, а до тех пор Маркус занимался переплетным ремеслом. У него было четыре мастерских и влиятельные заказчики. Маркус считал себя человеком книжным, хотя настоящую бумажную книгу — большую редкость! — рассматривал только как объект приложения труда. Чаще его мастерам и подмастерьям приходилось изготавливать рамки для любительских картин или чехлы для пергаментных свитков. Но все же он чувствовал, как мудрость, содержащаяся в текстах, оседает на нем. Тяга к размышлениям в духе философов далекого прошлого часто оказывалась сильнее делового расчета. Свои мыслительные упражнения Маркус от чистого сердца считал логикой и рассчитывал теперь отыскать ей применение.

Он не спешил сразу войти в дом. Для начала ему захотелось обойти кругом ограды.

— Обыщите все окрестности, — велел он солдатам. — Докладывайте обо всем необычном, что найдете.

Ничего необычного солдаты не нашли, за исключением пары женских башмаков, надетых на чугунные завитки, украшавшие решетку.

— Дорогие, очень мало ношеные, — отметил Маркус, осмотрев их. — Превосходный сафьян, тонкая выделка. В ней теперь холодно… Зачем же их сняли?

Советник Шпигел, практикующий маг, пожал плечами и ничего не сказал.

Войдя в ворота, Маркус снова обошел кругом дома.

— Я — волнуюсь, — признался он Шпигелу. — Пора уже осмотреть все внутри, а?

Тут подошли солдаты, отправленные прочесывать кусты.

— Там три мертвых тела, — доложил стражник. — Зарублены мечом. Это головорезы Сохо.

— Так-так-так! — произнес Маркус глубокомысленно. — Сохо

доигрался. Я как-то сразу почувствовал, что за этим безобразием стоит он, хоть это и не его стиль. Но теперь ему не отвертеться. Я заточу его в темницу, как вы думаете, Шпигел?

Советник спал на ходу и скрывал это обстоятельство, придавая своему лицу важный вид. Войдя в дом, он несколько оживился.

— Куча обгоревших трупов. Пахнет, как в колбасной лавке, — поморщился обвинитель. — Странно, что пожар не охватил весь дом. Что это было?

— Огромное выделение тепла, — произнес Шпигел, крутя носом. — Его источник — небывалой мощности. А загореться не успело, потому что тепло сожрало весь воздух. Потом оно прекратилось.

— Такое можно устроить при помощи магии?

— При помощи магии можно все, господин обвинитель. Но есть и алхимические средства, очень действенные. Например, гремучая амальгама или семя саламандры.

Маркус завел глаза к потолку.

— А внизу, в подвале, тоже трупы? — спросил он у старшины городской стражи.

— В подвале один, а у входа — целая гора. Не разобрать сколько. И на втором этаже — человек десять.

— А на третьем?

— Еще не смотрели.

— Это хорошо, — сказал Маркус. — Вот мы сейчас и посмотрим.

Когда в комнате для игры обнаружилось еще два тела, Маркус досадливо взмахнул руками.

— Сохо мертв, — произнес он. — И арестовать его не удастся. Дорсети-старший — налицо. А где его сыночек? Сгорел с остальными?

Шпигел опять погрузился в дремоту, однако ликующий возглас обвинителя пробудил его.

— Смотрите! — восклицал Маркус. — Следы! Убийца оставил следы!

На полу действительно отчетливо виднелись следы босых ног, наступивших в кровавую лужу.

— Любопытные следы, — Маркус осторожно потрогал один из них. — Ступня чуть длиннее моей ладони и такая узенькая… Это женщина. Женская обувь на воротах, женские следы в доме… Чувствуете, куда я клоню? Но зачем она разулась?

— Есть такие способы левитации, при которых это обязательно, — сказал Шпигел.

— Идем по следам! — Сгорая от возбуждения, обвинитель ухватил

советника за край мантии и потащил в коридор.

Довольно долго они брели, высматривая следы на ковре, пока те не оборвались развернувшись носками к стене.

— Она ушла в стену! — прошептал Шпигел. — Это очень сильная мага. Нам ее не схватить.

Маркус потянул себя за нижнюю губу.

— Непонятно, — пробормотал он. — Здесь должна быть комната, а ее нет. Куда ушла преступница? Просто замуровалась в стену?

И он постучал в дубовую обшивку набалдашником трости.

— Там — пустота! — победоносно сказал обвинитель. — Эй! Солдаты! Сюда! Ломайте стену в этом месте.

Зонару разбудил грохот. Открыв глаза, она увидела дневной свет, ворвавшийся в пролом, и группу людей, смотрящих на нее с удивлением.

— Это не мага, — сказал Маркус. — Это — обычная воровка. Она убила хозяина, Сохо, умертвила охрану, но попалась в тайник-ловушку.

— Следует понимать, что я арестована? — спросила Зонара ледяным голосом.

— Именно так, — улыбнулся обвинитель. Солдаты выпутали ее из сети и увели.

— А она хорошенькая, — заметил Шпигел. — Неужели ты ее приговоришь?

— Обязательно! Но не перекусить ли нам? Время к обеду.

Очаг в заброшенной таверне оказался исправным, хотя и «застоялся» — его долго не растапливали, и Гизмунд здорово намучился первой ночью.

Но к полудню следующего дня пламя в очаге горело ровно и весело. Герцог Мироваль смотрел на огонь и слушал рассказ Конана. Ремина, свернувшись на теплом плаще, спала и только вздыхала во сне. Гизмунд, бегая глазами, доедал куриную ножку — порцию своего господина. Герцог пребывал в сильном волнении и отказался от еды. Волнение было радостным. Блеск удач превратил убогую, покосившуюся халупу в уютнейшее место на земле.

— Люди Сохо наткнулись на меня в темноте, — повествовал варвар, размахивая кособоко щербатой кружкой. — Они тут же узнали меня — меж нами случались разногласия — и потянулись за своими проклятыми колючками. Одного я разрубил сразу, как мясник разрубает окорок. Второй успел плюнуть в меня из камышинки, но я, хвала Крому, увернулся и рассек ему брюшину. Кишки так и вывалились на землю. А третий выхватил свой клинок, и мы подрались немного. Ему не следовало этого делать…

В «Ключе и мече» мы дождались утра. Городские ворота открылись, но нас задержал пристав Гаттерн. Он стражник, что с него взять, мы по разные стороны судьбы, но человек он недурной.

— Что-то ты рано уезжаешь, — сказал он. — Просил два дня, а еще и суток не прошло. Кто это с тобой?

Ремина, хоть я и просил ее помалкивать, назвала себя. Женщине трудно удержать язык.

— Постой-ка! — обрадовался он. — Уж не тебя ли некий приезжий герцог пытался отобрать у Дорсети?

Я спешился, подошел к нему вплотную и сказал:

— У тебя есть выбор. Либо ты выслушаешь правду, либо я тебя убью. Решай скорее.

Гаттерн рассмеялся.

— Очевидно, я буду первым в истории приставом стражи, которому любопытство спасло жизнь.

Мы отошли чуть в сторонку, и я вкратце рассказал ему о гнусностях, творимых Дорсети. Он выслушал. Известие о смерти Сохо пришлось ему по душе.

— Жил, как таракан, и подох как таракан, — хмыкнул он. — Ладно, что с вами делать? За такую хорошую новость придется выпустить вас обоих.

Тут к нему подбежал запыхавшийся солдат и зашептал что-то на ухо. Пристав помрачнел. Отослав солдата, он сказал:

— Только что в доме Дорсети произошел взрыв. Дело вышло громкое. Что ты натворил, варвар! Но, раз уж я пообещал вас выпустить, уезжайте, да побыстрее. Однако помни: если в ближайшую зиму ты появишься в Галпаране, я тебя схвачу, даже если для этого придется угробить целый отряд стражи. Ты понял?

Я сказал, что понял, и мы уехали. Вот и все.

— А что стало с твоей сообщницей? — спросил герцог.

— Да что с ней станется? Это же Зонара! Она убедилась, что я был прав, обругала меня за это и удалилась. Правда, ее башмаки все еще лежали в кустах, когда мы покинули дом. Я повесил их на забор, на видное место…

Варвар с усилием задумался. Неожиданно у него испортилось настроение.

— Несмотря на то, что эта женщина — простолюдинка и воровка к тому же, я от души желаю ей удачи и надеюсь, что с ней все в порядке, — сказал Мироваль. — Мне, видишь ли, мой добрый варвар, так хорошо

сейчас, что не будь я знатным человеком, плясал бы от счастья. Это счастье доставил мне ты…

— Я не твой варвар, — буркнул Конан. — Я — свой собственный варвар. Мило с твоей стороны, что ты пожалел простолюдинку и воровку. Конечно, Зонара взялась не за свое дело — ей бы любить мужчину да рожать детей. Но она понимала, на что идет, и была готова.

— Несмотря на это, ты сам жалеешь ее. Уж не влюблен ли ты? — улыбнулся герцог.

Конан помрачнел еще больше.

— Любовь могут позволить себе только те, у кого есть замок. Или хотя бы хижина.

— Не сердись. Лучше выпьем. Гизмунд, сколько у нас еще вина?

— Целый бурдюк, — отозвался оруженосец, облизывая жирные пальцы. — Эх, жаль, с нами нет нашего пса!

— На что он тебе? — Герцог насмешливо изобразил удивление.

— Дома я всегда вытираю об него руки после обеда, — важно отвечал Гизмунд.

— А? Каков! — усмехнулся Мироваль. — Хватит сидеть сиднем. Неси вино! О чем думаешь, господин вор? — спросил он у варвара.

— О том, куда мне теперь податься, — отвечал тот. — Не сидеть же в этом сарае всю жизнь.

— Наймись ко мне. Будешь начальником дружины.

— А с кем у тебя война?

— Ни с кем, — пожал плечами герцог. — И еще долго не будет никакой войны.

Конан широко зевнул, мотая головой.

— Такая жизнь не по мне, — сказал он. — Хорошая война меня бы здорово развлекла.

— Не понимаю, — сухо произнес герцог. — Война портит нравы, пожирает жизни, уничтожает плоды мирного труда. Чего же в ней такого хорошего?

— На свете войны шли, идут и будут идти! Хочешь ты этого или нет. Не мне судить, хорошо это или плохо. Я — воин, вором стал только со скуки и не занимаюсь этим постоянно. Умереть вором — малопочтенно. Хватит болтать, лучше выпьем.

Герцог пил вино из маленького медного чайничка с погнутым носиком. Гизмунд использовал в качестве чаши глубокую миску. В нее помещалось очень много вина, и скоро оруженосец отполз на четвереньках в угол, упал там и сначала шепотом, чтобы не потревожить спящую, пропел

два куплета походной песни, а после вовсе захрапел.

— Мы останемся тут еще дня на два, — сообщил Мироваль. — Ремина должна прийти в себя. А когда уедешь ты?

Конан сообразил, что герцог в тактичной, цивилизованной форме пытается отделаться от него. Что ж, деньги он заплатил сполна, и больше их ничего не связывает.

— Прямо сейчас, — сказал он, заметив с удивлением, что язык худо его слушается.

Тем более, нужно проветриться, решил Конан, поднялся на ноги, но вдруг пол уплыл у него из-под ног. Варвар рухнул всей тяжестью своего мощного тела.

Ремина проснулась и приподнялась на своем ложе. А из соседней комнаты, темной и захламленной, вышел человек в сером форменном плаще и кожаной шапке с наушниками.

— А теперь, любезный пристав, объясни мне, в чем дело, — велел ему герцог. — А то я чувствую себя отравителем, что крайне неприятно.

— Конечно, я все объясню твоей светлости, — Гаттерн перешагнул через спящего варвара, потер руки над огнем очага и произнес: — Весть о том, что Зонара схвачена и завтрашним вечером будет казнена, донеслась бы до Конана в любой действующей таверне. Уж не знаю как, но подобные сведения распространяются молниеносно. Наш варвар — уж я-то его знаю — обязательно кинется ее спасать, и тогда я был бы обязан его арестовать. Я всегда держу слово. А теперь он проспит двое суток, не меньше. Сонное снадобье очень сильное. Когда он проснется, все будет позади.

— А что будет с этой несчастной? — взволнованно спросила Ремина. — Неужели она погибнет?

— Не волнуйся, девочка, — сказал Гаттерн. — Я попробую выручить ее. Мне известно, что она невиновна в убийствах, а взлом и проникновение в чужой дом лично я оправдываю смягчающими обстоятельствами.

— А как же ваш закон? Ведь ты — горожанин и подчиняешься закону! — поднял брови Мироваль.

— Не только подчиняюсь, но и стараюсь защищать его. Однако закон — не только строчка в пергаменте, — спокойно ответил честный стражник.

— Твой ответ мне понравился. Но разве ты справишься один?

— Одному будет тяжеловато, — признался Гаттерн.

Ремина снова заговорила, и голос ее звучал убежденно и страстно:

— Не унывай, стражник. Мой возлюбленный — благородный и

храбрый человек. Он — настоящий рыцарь. Он обязательно поможет тебе. Не правда ли, мой господин?

Герцог усмехнулся.

— Похоже, что так, любовь моя. Похоже, что так…

Магистрат утвердил смертный приговор по делу Зонары, даже не рассматривая его. Все необходимые улики были налицо, хотя обвиняемая и не призналась во многих пунктах. Но Маркусу этого показалось мало.

— Из улик явствует, что у преступницы был сообщник, — настаивал он. — Арестованная ничего не понимает в магии, на ее одежде не обнаружилось следов от алхимических препаратов. Кто же устроил взрыв?

— А что если алхимией занимались сами Дорсети? — предположил Шпигел.

Маркус яростно замотал головой.

— Ни одна алхимическая лавка в городе не поставляла им ни порошков, ни специальной посуды, — сказал он.

— Разрушенная печь в подвале, потеки золота на стенах… — с сомнением произнес маг-советник. — Очень похоже, что Дорсети были те еще господа. Они добывали золото путем трансформации… Ты же проверял их банковские счета! Раз в несколько лет они получали невесть откуда целые горы денег.

— Все равно, сообщник был. — Маркус победоносно улыбнулся. — Припомни, каким образом оказалась взломана балконная дверь. Там орудовали широким мечом. А у преступницы вообще не было оружия, не так ли? Идем-ка в «процедурную» комнату. Бедняжка уже приговорена, но я велел продолжить допрос. Мне нужен этот проклятый сообщник.

«Процедурная» комната, иначе говоря — пыточный застенок — располагалась в подвальном этаже тюрьмы, примыкавшей к башне ратуши. Невыспавшийся дознаватель клевал носом. С преступницей работал подмастерье палача — угрявый, бледный юноша с морщинистым личиком. Мэтру предстояло потрудиться завтра вечером.

Главный обвинитель вошел первым, советник Шпигел нехотя — за ним. Ему было скучно.

Обнаженное, вытянутое тело Зонары слегка раскачивалось, подвешенное на дыбе. Она была в сознании и время от времени вскрикивала. Вывернутые суставы рук не причиняли ей страданий, но пламя, которого она касалась босыми подошвами, заставляло пытаемую судорожно дергаться.

— Упорствуешь? — мягко спросил Маркус. — Зачем?

— Скажи палачу, что он болван, — прошипела Зонара. — Чересчур

высоко поднял жаровню. Пятки слишком быстро обуглятся и перестанут чувствовать боль.

Палач смутился и взялся опускать жаровню обжегся, выругался шепотом и устало посмотрел на Маркуса.

— Не действует, господин обвинитель, — жаловался он. — На ведьмином стуле она только смеялась. На острых козлах просидела больше колокола. Может, подвесить ее за груди?

— Прекрати балаган! — рявкнул Маркус. — Дознаватель, ты разве не видишь, что она издевается над тобой?

Дознаватель выпучил глаза и потряс протокольным свитком.

— Безнадежно, — сказал он. — Зря только время тратим.

Палач опустил Зонару, освободил от веревки, и та со стоном облегчения растянулась на холодном полу.

Маркус прогнал палача и чиновника в выражениях довольно резких. Он был очень мягкосердечен и вид страдающего женского тела нагнал на него какой-то ужас.

— Послушай, — обратился обвинитель к воровке, — если ты назовешь сообщника, тебя только повесят. Я добьюсь этого, можешь мне верить. Это почти не больно, не успеешь сосчитать до двадцати — и будешь мертва. Но если ты продолжишь выгораживать человека, который, кстати, бросил тебя на произвол судьбы, — будешь четвертована. Очень болезненная смерть. Тебя выволокут на помост, разденут перед толпой, разорвут бедра и ягодицы раскаленными щипцами, отрежут груди, потом отсекут руки и ноги…

— Я знаю, как выглядит четвертование, — зевнув, сказала Зонара. — Разве это казнь? В Стигии воровку сажают на кол. В Зингаре — ставят воронку с кипящим уксусом. В Султанапуре отдают на случку со взбесившимся волком. Вот это — казнь. А ты пугаешь меня детской забавой.

— Но ради кого ты идешь на это? Он — твой возлюбленный?

— Еще чего!

Маркус всплеснул руками.

— Как мало у меня опыта! — сокрушенно произнес он. — Многому придется учиться.

— Учись, учись, — проговорила Зонара, насмехаясь. — Нужно охранять таких, как Дорсети, от таких, как я.

— Дело не в Дорсети. Я охраняю не их, а священные принципы, которые делают нашу жизнь достойной. Перед ними все равны. Если бы я уличил Дорсети в преступлениях, судили бы их.

— Скорее всего, их бы оправдали.

— Это неизвестно. Пойми, покушаясь на Дорсети, ты покушаешься на закон. А Дорсети лично мне безразличен.

— Вы считаете вашу жизнь достойной? — презрительно улыбнулась узница.

— У нее много недостатков, но она гораздо лучше произвола спесивых аристократов, а тем более — безвластия. Свободный горожанин — почетное звание. Торговцы торгуют, мастера создают шедевры, солдаты стражи следят за порядком…

— Бедняки дохнут с голода, воры воруют, а палачи — казнят. Все идет своим чередом, — продолжила Зонара. — Знаешь что, убирайся-ка ты отсюда. Дай мне отдохнуть.

Маркус и Шпигел переглянулись и пошли к выходу из «процедурной». Когда они были уже у самой двери, Зонара окликнула Маркуса. Тот остановился, незаметно подмигнув советнику.

— Передумала? — спросил он Зонару.

— Нет. Хочу спросить, как, по-твоему, — я не простужусь, если буду лежать на полу?

Обвинитель вылетел из застенка, словно пробка из бочки.

— Ядовитая баба! — сказал ему Шпигел.

Герцог Мироваль горячил своего Снежка — ему не терпелось поскорее попасть в город. Но чалая кобылка пристава еще не успела оправиться после безумной скачки — Гаттерн гнал ее окружным путем, чтобы попасть в заброшенную таверну раньше Конана. Ему удалось опередить лошадь варвара, несшую двойной груз, всего на несколько терций. Теперь пристав то и дело отставал, и герцог вынужден был натягивать поводья, отчего его благородный скакун обиженно фыркал и приплясывал на месте, поднимая тучи грязных брызг.

— К чему такая спешка? — улыбнулся Гаттерн. — Пусти своего жеребца шагом. Или тебе неприятно то, что простолюдин поедет с тобой стремя в стремя? Я обещаю выдерживать дистанцию.

— В случае военного положения некоторые условности этикета отменяются, — сдержанно ответил Мироваль. — Дело не во мне. Снежок почуял битву и рвется вперед.

— Он будет разочарован. Мы не станем осаждать тюрьму, — покачал головой стражник. — Это, во-первых, противозаконно, во-вторых — верный способ схлопотать стрелу. К тому же, твоя светлость без доспехов.

— Уж не заставишь ли ты меня взять заступ и рыть подкоп? — с наигранным подозрением осведомился Мироваль,

— Один скандально известный ювелир, — вместо ответа поведал пристав, — был схвачен и уличен в убийстве своего заказчика. Тот тянул с оплатой, и золотых дел мастер сгоряча взялся за кинжал. Его посадили в тюрьму, где в виде особой милости позволили развлекаться в ожидании казни изобретательством всяких механических безделок. А ювелир, не будь дурак, изладил из реек, шпагата и кхитайской бумаги дракона и, перелетев на нем через тюремную стену, был таков. Морали в этой истории искать не надо, рассказал ее только для развлечения.

Мироваль пожал плечами, коротко фыркнул и покачал головой.

Компаньоны добрались до городской заставы глубоким вечером. Стражник, узнавший Гаттерна, пропустил их без всяких вопросов.

— Что теперь? — вопросил Мироваль.

— Теперь ты под чужим именем снимешь комнату на ночь в какой-нибудь таверне, а я отправлюсь на разведку. Нужно узнать маршрут, по которому Зонару повезут на казнь. Где ты остановишься?

— Мне понравилось в «Ключе и мече».

— Но ведь там ты уже известен под настоящим именем!

Герцог зевнул в манжету.

— Пара золотых иногда освежает память, а иногда — погружает ее во мрак, — сказал он.

Так и случилось. Хозяин скрыл свое изумление и очень ловко избавился от остальных постояльцев, как и в прошлый раз. Этот опытный плут, похожий лицом на сдобный пирог с мясом, смекнул, конечно, что дело тут нечисто, но также понял, что он лично ничем не рискует. Он так хорошо сервировал ужин, подал к столу такое отменное вино и вообще хлопотал столь усердно, что Мироваль подарил ему третий золотой.

Ужиная в одиночестве, герцог про себя удивлялся. Совсем еще недавно его волновали только собственные чувства и любимая женщина. Все остальное либо досадливо мешало, либо представлялось отдаленным и не имеющим никакого значения. И вот теперь он, родовитый и титулованный, собирается спасать воровку, подругу варвара.

Про себя герцог то и дело усмехался. Все это, чума разбери, конечно, нелепо, в духе дурацких баллад, но Мироваль доведет дело до конца, только потому, что Ремина посмотрела на него с любовью и надеждой. Женщине, даже очень умной, трудно расстаться со своими предубеждениями. Ей очень важно, чтобы ее возлюбленный был отважным, сильным и непременно кого-нибудь победил. «Быть посему!» — окончательно решил Мироваль и вонзил в кусок телятины двузубую вилку.

Пристав явился, когда герцог, не спеша, пил крепленое вино, глядя на угли в очаге.

— Я узнал все, что нам необходимо, — объявил он. — Завтра, как только прозвонят вечернюю стражу, преступницу повезут по городу на площадь Примирения. Возок, в том числе, проедет и по улице Зеленщиков, а это — мой участок. Я устрою так, что поперек улицы встанет длинная телега, груженная бочками. Она уже вторую неделю стоит на задах масляной лавки в Ворванном переулке, это рядом. Еще я устрою так, что патруль опоздает, когда выйдет потасовка. Охранять осужденную будут трое — ты справишься с тремя?

— Это же простая солдатня! Я справлюсь с десятком, — ответил герцог.

— Рад это слышать, поскольку помочь не смогу. Я не должен поднимать оружия на своих, — сказал Гаттерн.

— А тебя не печалит, что трое стражников погибнут?

— Если трое солдат будут побеждены одним рыцарем, причем — бездоспешным, то туда им и дорога.

— А если они убьют меня? — спросил Мироваль, блаженно потягиваясь у огня.

— Пущу в ход другой план, — отвечал пристав как ни в чем не бывало.

— В чем он заключается, позволь полюбопытствовать?

— Какая разница? Ты ведь будешь уже мертв.

Услышав такой ответ, герцог не смог сдержать улыбки.

— Просто, доходчиво и с достоинством, — сказал он. — Мне это нравится, клянусь своей шпорой! А потом?

— Если твоя светлость устранит охрану, я обеспечу безопасную улицу, по которой вы с Зонарой уйдете из города.

— Лучшего нельзя и желать, — произнес Мироваль. — А теперь я пойду спать.

Для него было в новинку нападать на вооруженных стражников в центре чужого города, но он совершенно не волновался и заснул спокойным сном человека, у которого прекрасный аппетит и чистая совесть.

Утром оруженосец Гизмунд, оставленный при Ремине, поднялся, вылил себе на голову ковш холодной воды, вытер лицо краем туники, молодецки крякнул и выскочил на двор.

Ему не раз приходилось ночевать в походных условиях, иногда — совершенно неудобных, но утренний его моцион оставался неизменным.

Накормив и напоив своего холеного мула, Гизмунд обтер его бока

особой фланелевой тряпочкой, проверил состояние подков, не удержался и поцеловал животное в теплый бархатистый нос. Потом он подбросил охапку сена лошади Конана, но приблизиться к ней побоялся — та косила глазом, мотала головой, словом, являла нрав тяжелый и подозрительный.

Ремина дремала вполглаза, а Конан, разметав руки и ноги, смачно храпел. Он занимал собой половину трактирной залы.

Гизмунд развел оживленную деятельность: принес Ремине воды для умывания, растопил очаг и даже подмел пол метлой, изготовленной тут же из веток ракиты, росшей неподалеку.

— Славненько, — молвил он. — Пора озаботиться завтраком. Припасы мы подъели… Придется мне сходить в селение и купить у крестьян хлеба и молока.

Сам он тоже был природный мужлан, но так давно ходил в оруженосцах, что не удивился бы, если бы его произвели в рыцари.

— С тобой тут ничего не случится, пока меня нет? — спросил он у Ремины.

— Со мной останется варвар, — отвечала она. — Он такой большой, что даже спящий испугает кого угодно.

— А то — сходила бы со мной, — предложил оруженосец. — Это недалеко. Чего сидеть тут, с этой колодой? Эвон, храпит-то как. И это — лежа на брюхе. А если б упал на спину, как бы храпел? Из чего, и главное — как делают таких людей?

— Так же, как и всех остальных, — сказала Ремина, слегка покраснев. — Пожалуй, ты прав. Пойду с тобой — слушать его храп я устала. К тому же я так давно не гуляла. У Дорсети меня все время держали взаперти. Только надо будет поскорее вернуться — нехорошо бросать его надолго.

Босая, в дорогом мужском платье, она представляла собой странное зрелище, но это нимало ее не заботило. Она шла следом за Гизмундом по весенней грязи и вдыхала прохладный, сладковатый воздух, какой возможен только вне городских стен.

Невдалеке, как и сказал Гизмунд, находилось небольшое селение с крошечным виноградником, выпасом и огородами. В это время зимы лоза укрыта соломой — отдыхает, наливается соком в ожидании щедрого аквилонского солнца, а на огороде земля только-только распахана. Вилланы-собственники и наемные батраки, не спеша, готовятся к дням, полным тепла и труда.

Во дворе беленого аккуратного домика, на лавочке грелся старик. У ног его, обутых в деревянные башмаки, возились два чумазых ребятенка и с

десяток таких же чумазых поросят. И те, и другие пихались и визжали. Старик, поглядывая на них, хихикал и слегка поддавал кому-нибудь из них башмаком под зад. Он был глуховат, и Гизмунду пришлось кричать ему прямо в мохнатое коричневое ухо.

На крик выскочила из дома хозяйская жена, вытирая руки о фартук. Гизмунд сторговал у нее большой кувшин молока, два каравая и крупный кусок сала.

— К вечеру колбасы будут, — сообщила она. — Муж делает.

— Колбаса — это хорошо! — обрадовался оруженосец. — А нельзя ли вечерком прислать пару-тройку колбас? Я заплачу теперь же.

— Куда послать? Я старшему велю, он принесет.

— Мы в таверне, что у дороги. Туда, стало быть, — ответил Гизмунд.

Хозяйка всплеснула руками и убежала в дом. Оруженосец запрыгнул на крыльцо и два раза стукнул кулаком в дверь.

— Женщина, в чем дело? — прокричал он. — Я же сказал, что заплачу.

За дверью подумали немного и задвинули засов.

— Глупая тетка! Я же тебя не съем!

— Меня, может, и не съешь, а сыночка моего бедного сожрешь, упырь проклятый, — послышался голос мужланки.

— Какого сыночка?

— Который в таверну колбасу понесет. О-о! — заплакала она и тут же, храбрясь, завизжала: — Убирайтесь оба, а то у меня здесь омела, целый пучок. Вот я вас омелой!

— Какая омела? — Оруженосец растерялся. — Она не в себе, это точно.

— Ты ее испугал, — сказала Ремина. — Пойдем отсюда.

— Она подумала, что вы — упыри! — заорал глухой старик. — Почто вы в таверне-то встали? Нешто можно?

— Почему нельзя? — удивился Гизмунд еще больше. — Он же ничей!

— Не знаю никаких вещей, — старик затряс головой. — А только бывают в том месте упыри. Раз Котта, сосед наш, видел в окошке — сидел упырь и грыз человечью ногу. Нельзя там вставать на постой и все тут. Место проклятое. Раз купец, сказывают, остановился — пропал. Может, купец, может — меняла, не помню…

— Тьфу, вздор какой! — не выдержал оруженосец, подхватил сумку с купленным и пошел со двора.

Ремина направилась следом.

— А вдруг это правда? — спросила она, когда они шли через поле к

дороге. — Разве не бывает на свете всякой нечисти? Почему таверну бросили? Почему ее никто не занял? Должна же быть причина!

Гизмунд пожал плечами.

— Дорога не слишком оживлена. Хозяин мог разориться или перебраться в другое место, — сказал он. — Лично я провел в этой конуре целых две ночи и не заметил там ничего, что бы могло навести на мысль об упырях. Просто крестьяне, сидя на печах долгими зимними ночами, развлекают друг друга страшными историями.

— А почему там не поселились какие-нибудь бродяги? — не унималась Ремина.

— А мы? Чем не бродяги! — рассмеялся Гизмунд.

Они вернулись в таверну, где по-прежнему неудержимо храпел варвар. Там позавтракали, Гизмунд взялся чистить запасное герцогское платье и сердито ворчал, обнаруживая свежие прорехи на старом дорожном плаще. Ремине стало скучно, поэтому она даже обрадовалась, когда на пороге возник высокий худощавый человек, одетый для долгого путешествия. Поклажи при нем был только маленький узелок. Меч без ножен он нес на плече, как заправский наемник. У него было улыбчивое лицо и насмешливые морщинки возле глаз.

— Мир этой дырявой кровле! — возвестил он, кланяясь. — Но собирается дождь, и по мне — худая крыша лучше, чем ничего.

— Здесь занято! — буркнул оруженосец.

— Да я всего ненадолго! Пережду ливень и пойду себе дальше, — сказал человек и с нахальным изяществом прошел к самому огню.

Гизмунд готов был поклясться, что никакого ливня нет и в помине. Когда он выглядывал мельком в окно, небо оставалось ясным. Но только он об этом подумал, как дневной свет в окне померк, и хлынул дождь, такой сильный, что шум его заглушал голос пришельца.

— Я — Гранель, — представился тот. — Собиратель историй. Ими и кормлюсь. Рассказываю за деньги. Кусок хлеба с салом — тоже сойдет.

Оруженосец открыл было рот, но Ремина остановила его.

— Истории — это очень интересно, — молвила она. — Присаживайтесь поближе к очагу, угощайтесь всем, что найдете.

Гранель благодарно улыбнулся, открыв желтоватые зубы, вонзил свой меч прямо в половицу, повесил на его перекрестье, как на вешалку, куцый плащ и, показав на спящего варвара, спросил:

— Кто этот счастливец, что объят сном, словно дитя?

— Это наш друг. Он очень устал и отдыхает, — отвечала Ремина.

— Должно быть, этот великан ворочал горами, — предположил

собиратель историй. — Простая работа его бы не утомила. А мы не разбудим его случайно?

— Он спит крепко, — успокоила его женщина.

— Это хорошо. Говорить с набитым ртом не прилично, к тому же можно поперхнуться. Посему, я надеюсь, что господа подождут некоторое время.

Гизмунд крякнул, увидев, как Гранель отхватил ножом половину каравая, основательный кус солонины, сложил все это вместе, уселся на пол и начал есть. Челюсти его распахнулись широко, как у змеи, и хлеб с мясом уместились во рту наемного рассказчика почти целиком.

Люди с похожими свойствами всегда вызывали у оруженосца неприятные подозрения. Но что-то еще в облике Гранеля настораживало, неприятно беспокоило, словно заноза в ноге. Словом — в нем или рядом с ним было нечто непонятное, почти пугающее. Что именно, Гизмунд пока не разобрал.

Сыто причмокивая, Гранель стряхнул крошки с узкого подбородка, вытер молочные «усы» из-под носа и вопросил:

— Какого рода историю желает госпожа? Наверное, что-нибудь про любовь? Истории про любовь делятся на грустные и неприличные, — и он хихикнул, скорчив смешную гримасу.

— А разве не бывает других? — неприятно удивилась Ремина. Гранель перестал ее забавлять, она тоже почувствовала неладное, но стеснялась разглядывать его в упор.

— Специально для госпожи я только что отыскал в недрах своей памяти историю о любви, которую можно счесть и забавной, но без явного неприличия — так, пара пикантностей.

— После сала тебя, видимо, тянет на сальности, — заметил Гизмунд. — Воображаю, какого сорта диковины ты рассказываешь после соленых блюд.

Гранель с готовностью рассмеялся и даже хлопнул себя рукой по мосластой ноге.

— Господин пошутил, — сказал он. — Что может быть лучше доброй шутки?

Гизмунд подумал, что его шутка доброй как раз и не была. Но он ничего не произнес вслух, потому что долговязый прислонился спиной к бревенчатой стене, откашлялся и, лукаво поглядывая то на Ремину, то на оруженосца, начал:

— Почти все истории начинаются одинаково: «Давным-давно, в далекой стране…» Я обошел весь свет, и зачастую в каждом его уголке мне

рассказывали похожие друг на друга случаи, причем вступление было именно таким. Сложилось у меня впечатление, что все подобные истории случались в Атлантиде и уже оттуда разнеслись по населенной вселенной. А может быть, если вдруг Атлантида всплывет из пучин, населенная, как и прежде, там тоже станут предварять рассказы вечной этой присказкой.

Однако моя повесть начнется иначе. Случилось это недавно, всего несколько дней тому, и вовсе недалеко. Жил да был один человек по имени Ренельт. Не бедный, не богатый, по привычкам своим был он благородный господин, однако домишко его стоял на краю деревеньки в двух милях отсюда, и с благородными господами — здешними сюзеренами — он не водился, а все больше с простым людом. Наилучший друг его был кузнец по прозвищу Черный Нос. Силища в этом кузнеце пребывала необычайная, и походил он на вашего спящего товарища, да и во сне, говорят, храпел таким же манером. Из-за последней оказии он не был женат. А нос его и в самом деле всегда был черный и блестел, как сажа.

Был еще друг — ночной сторож, того кликали Филином. По ночам он совершенно не спал — ходил себе по огородам да распугивал воришек. Глаза у него были, как тарелки, и горели желтым огнем, а волосы на голове напоминали совиные перья.

Ренельт зарабатывал тем, что рисовал карты. Соберется какой купец поехать, скажем, в Ванахейм или, напротив, в Стигию, как Ренельт в два дня нарисует ему на длинном пергаменте весь путь, от самого порога. Знатно рисовал — со всеми подробностями. Указывал колодцы, места для привала безопасные и даже разбойничьи засады отмечал, и все приметное, что встретится в пути, — какое-нибудь дерево неожиданной формы или валун у дороги. Все сходилось в точности, путнику оставалось только пергамент разматывать.

Все очень удивлялись, поскольку никогда Ренельт надолго дома не покидал, а все жил себе в деревушке. Откуда он знал другие страны, как собственный двор?

Раз Черный Нос прямо спросил у него: «Уж не колдун ли ты, братец? И если колдун, отчего ты не богат, не возведешь себе большого замка или хоть дома получше твоего?»

«Клянусь кувшином молодого вина, я не колдун, — отвечал Ренельт. — А знаю все про другие страны и города, потому что бываю там каждую ночь. Едва лишь засыпаю, как моя душа оставляет тело и летает, все видит, все примечает. Да я не один таков — ты, к примеру, тоже. И все, кто спит. Не единожды встречалась моя душа с душами других спящих».

Кузнец поскреб кудрявый затылок.

«Если так, то почему же я ничего не знаю, кроме нашего села да двух соседних, да еще селения, где прошлой зимой на свадьбе жениху глаз подбили?»

«А это оттого, — сказал Ренельт, — что у твоей души короткая память».

Черному Носу сделалось обидно, и обида засела в его голове, как топор в колоде. Посидели они втроем — еще и Филин с ними был, — да дело к ночи. Ренельт спать лег, а Филин и кузнец брели по деревне.

«Не дает мне покоя эта штука, — пожаловался сторожу Черный Нос. — Раньше я знал, что есть у меня жизнь, о которой все известно. С утра — работа, так, чтобы руки гудели, потом — обед славный, потом — друзья да вино. Прочие живут так же, все идет своим чередом. Постарею, ослабну, помру — как все. Спокойно. А оказывается, совсем рядом жизнь удивительная, полная диковин, чудес, и эта жизнь — тоже моя, но я ничего о ней не ведаю».

«Подумаешь, — молвил Филин. — Я вот не сплю и существую половину жизни на границе между сном и явью и тоже повидал немало. Как-то прямо передо мной выскочил из-под земли огромный заяц в шапке с пером и сказал мне человеческим голосом: «Дай-ка мне, господин, адрес ближайшей сапожной лавки». Уж я и испугался! А другой раз прямо из облака посыпались на огород к старой Мартиле крошечные мужички и стали кочаны воровать — сорвут и ну катить в сторону. Я их пугнул уж сам — из облака вы или еще откуда, а воровать не смей!»

— Все это, братец, не то, — вздохнул кузнец, посмеявшись. — А я непременно хочу увидеть и запомнить другие края, и как подумаю, что где-то далеко, быть может, ждет меня судьба, а я, будто дурак, торчу здесь…

— Брось! — отмахнулся Филин. — На весь свет только и есть, что наше село да два соседних, да селение, где жених с битой рожей. Все остальное — выдумки Ренельта и басни мимохожих менестрелей. Но если тебе и впрямь так невмоготу — собери котомку сухарей, возьми палку да сапоги покрепче — и иди себе, глазей по сторонам.

— Э! — возразил Черный Нос. — Душа — летает, а тело ходит пешком. Пешком я мало чего успею обойти. Вот если б у души моей проснулась память…

— Эх, рога Нергала, какой ты неуемный, — в сердцах сказал сторож. — Сходи, что ли, к Сычихе, старой повитухе. Она мне родня, и слышал я от деда, что умеет она разные штуки. Вот и лачуга ее — видишь, не спит Сычиха. В окне огонек так и пляшет.

Сказал так сторож Филин и ушел огород охранять. Черный Нос

подумал да и зашел на двор к Сычихе. Во дворе на цепи держала повитуха огромную свинью — чуть кто зайдет без спросу, свинья визжит, из хлева выскакивает и все норовит за ногу ухватить. Злая была свинья.

Кузнец о нраве ее хорошо знал и держался осторожно, но на сей раз свинья не визжала и не бросалась кусаться — сидела и тихонько хрюкала. Черному Носу даже померещилось, будто свинья плачет.

Постучал он в дверь, Сычиха ему отворила, в дом пустила, усадила, поднесла вина, а сама ждет, что кузнец первым заговорит, и поглядывает на него вопросительно. Кузнец ей о своей тоске рассказал. Сычиха в ответ:

— И только-то! Вот тебе полотняный мешочек с сухою травой. Трава самая обычная — паслен, гусиный лук и чертополох. Ты положь мешочек под подушку да спи. Будет тебе сниться всякое, но ты ухвати то, что тебе понравится, руками и не отпускай. Проснешься, как обычно, увидишь, что из сна вытащил — тут все и вспомнишь.

Кузнец так и сделал.

Приснилось ему, что он попал на королевский двор, где-то — неизвестно где. Покои вокруг величайшей красоты, в куртинах растут невиданные деревья, сплошь усыпанные сладкими плодами. Ходят прямо по полу птицы с расписными хвостами, черные невольники их кормят. Пошел кузнец по коридору и вдруг оказался в купальне, где резвились в хрустальной купальне две юных прелестницы, две сестры. Старшая очень глянулась Черному Носу, и он, помня завет Сычихи, прыгнул в воду и схватил ее в объятия…

Утром пришел заказчик, а кузня оказалась пуста. И дома не было Черного Носа. Вся его одежда оказалась налицо, а сам он пропал.

Филин-сторож про это узнал и пришел к Сычихе.

— Признавайся, что стало с Черным Носом? — потребовал он. — Это ведь ты спровадила его невесть куда.

Сычиха рассмеялась мерзким скрипучим смехом и ответила:

— Да будет тебе! Я травки ему дала в мешочке, чтобы он крепче спал да другим не мешал. А то, что это за обычай — по ночам шляться и в гости ходить? Да я и тебе дам, если хочешь, бессонная ты неясыть.

Сторож ушел ни с чем, а ближе к ночи заглянул к Ренельту. Тот сидел за обеденным столом и тонкими костяными палочками чертил карту, обмакивая их в красную и черную кхитайскую тушь.

— Это все твои россказни! — заявил Филин. — Кузнец-то наш или голым из дома ушел, или его демоны утащили. Что делать? Пропадет дружок.

Ренельт отмахнулся от него.

— Мне нынче недосуг, приходи завтра.

Филин рассердился и пошел караулить. Лезли ему в голову всякие мысли, и не нашел он ничего умнее, как проникнуть в дом кузнеца.

Пошарил он у него под подушкой и нашел полотняный мешочек. Развязал, понюхал — трава и трава. Положил, задумавшись, его в карман, из дома вышел и дальше идет. Вдруг видит — прямо посреди деревни раскинулись прекрасные чертоги, а в них Черный Нос сидит и пирует. Рядом с ним — две красавицы.

Кузнец сторожа признал и говорит:

— Как ты кстати! Вот — жена моя молодая, а вот — сестрица ее, незамужняя. Садись-ка ты с нами пировать.

Сел Филин рядом с сестрицей, беседует с ней, та из его кубка вино пьет, любезно с ним разговаривает.

Девица эта взволновала сердце старого холостяка, да и он ей, как видно, понравился. Посудите сами, если б он был ей противен — разве взяла бы она его за руку, разве привела бы в опочивальню, разве сняла бы с себя покров целомудрия? Филин голову потерял от счастья.

А в деревне хватились его с утра — нет сторожа. Исчез. Люди не знали, что и подумать. У дома дубильщика, на дороге, отыскался мешочек с травами. Кто его оборонил? Никому это не было известно, кроме Сычихи, а та, понятно, об этом молчала.

Ренельту совестно стало, что так и не выслушал он друга. Забеспокоился он, а где искать пропавших — не знает. Во сне он их не встречал. Два дня ломал себе голову Ренельт, а на третий, в ночь, подлетает к его душе душа красивой юной девы и шепчет:

— Я знаю, где искать твоих друзей. Они попали в ловушку к колдунье, та держит их в зачарованном замке, а замок этот прячется в ущелье, далеко в горах. В том же замке, как в золотой темнице, заточены мои сестры. Если хочешь друзей выручить, поклянись, что и их освободишь. Забери у дубильщика мешочек с травами и на ночь возьми его в изголовье.

— Клянусь, — отвечала душа Ренельта, — но скажи мне, откуда ты меня знаешь? Я прежде никогда тебя не видел.

— Видел, Ренельт, да только тебе бы и в голову не пришло, что я — это я. А ты мне уж давно люб. Живем мы с тобой в одном селении.

— Быть такого не может! — возразила душа Ренельта. — Я там всех знаю.

— Всех знаешь, да не всех примечаешь, — расплакалась душа красивой девы и отлетела прочь.

Кинулся Ренельт за нею в погоню, да и упал со своей кровати,

конечно, проснувшись при этом.

«Что за притча! — подумал он. — Может, кто-то подшутил надо мною?»

Однако же выпросил он у дубильщика мешочек, который, по счастью, тот не выкинул, а повесил на крючок в чулане, где хранилось много разного хлама. Еле дождался Ренельт ночи, да еще и уснуть долго не мог — волновался. Но сон помалу сморил его, и едва глаза его сомкнулись, как очутился он в зачарованном дворце.

— Долго же ты нас искал! — сказали ему друзья. — Три зимы прошло.

— Ну уж не три зимы, а разве — три заката, — отвечал Ренельт в удивлении.

Усадили его за стол, попотчевали едой и питьем. Жены восхитительной красоты и пригожести и были, как он догадался, сестрами той, что подсказала ему дорогу. Услышав рассказ о вещем сновидении, обе расплакались.

— Несчастная сестрица, — сказали они. — Нас проклятая старуха лишь только взаперти держит, но мы живем в холе, тепле и богатстве.

А ее, бедняжку, колдунья истязает, держит в тесной, вонючей будке и кормит всякими отбросами, из-за того, что она осмелилась посмеяться над старой каргой.

— Неужели не можете вы уйти отсюда? — спросил Ренельт. — Дворец не заперт, дорога открыта…

Кузнец ответил мрачно:

— Дорога эта никуда не ведет. Петляет меж гор, как змея, свивается кольцами, а то и разбегается на четыре стороны. Пытались мы уйти, но ничего у нас не вышло. Всякий раз обратно возвращались.

Ренельт подумал, хлопнул в ладоши и говорит:

— Подайте-ка мне пергамент, две костяные палочки и кхитайскую тушь, черную да красную.

Жены-красавицы слугам велели, те и принесли все мигом. Ренельт приказал его не беспокоить, заперся в палатах и два заката, не разгибаясь, рисовал карту.

— Готово дело! — объявил он, когда карта была готова. — Собирайтесь в поход. Идти придется долго, но домой мы попадем. Душа знает дорогу в родные места!

Сказано — сделано. Собрали в дорогу всякой снеди, прихватили украшений вместо приданого и вышли рано поутру. Ренельт первым идет и путь сверяет с картой. А ущелье между тем делается все глубже, и из-за скал солнца над головою не видно. Однако Ренельт спокоен, да и

остальные тоже не боятся. Как вдруг опускается в ущелье тьма — глухая, беспроглядная. Путникам друг друга не видать и дороги не видно. У них с собою, как нарочно, ни факела нет, ни светильника. Заплакали сестры: «Это происки ведьмы! Она темень напустила, чтобы мы с пути сбились и погибли!» Филин-сторож усмехнулся и сказал:

— Меня темнота не пугает. Я и ночью, даже самой темной, что без звезд и луны, вижу лучше, чем днем. Перекликнитесь-ка вы, все ли тут, да беритесь друг за дружку. А тот, кто впереди, пусть положит руку мне на плечо. Я всех выведу.

И десяти шагов не прошли, как темнота вдруг собралась в одну тугую, как подушка, тучу, и туча эта унеслась с воем. Как видно, колдунья обнаружила, что ее уловка не удалась.

Все обрадовались, кроме Ренельта. Он сказал:

— Так легко ведьма нас не выпустит — придумает другую пакость, вот увидите. Надо быть начеку.

Что ж, идут дальше, а в пути кузнец Черный Нос у своей жены спрашивает:

— Как вышло, что ведьма пленила вас?

— Случилось это давным-давно, в далекой стране, — отвечала ему молодая супруга. Наш отец был великим правителем этой страны. Народ его любил, а придворные боялись. Пошел на него войной ближайший сосед, но отец, ко всему, был и полководец мудрый. Удалось ему соседа замирить. А чтобы он и впредь с ним не воевал, сказал отец соседу, что возьмет в жены одну из двух его дочерей.

Тому ничего не оставалось. «Бери на выбор, — отвечал он. — Вот старшая, красавица и умница, обучалась колдовству, знает все звезды наперечет и умеет чары наводить. А вот младшая — не слишком красива, не слишком умна, зато ласковая и нежная. Которую хочешь?» Отец был умный человек. «Конечно, младшую!» — воскликнул он. То была наша матушка. Жили они вместе долго и в счастии, родила она ему трех дочерей и, казалось бы, ничто не должно омрачать счастья. Но старшая сестра затаила злобу на нашего отца — зачем он не ее предпочел? Ведь она младшую сестрицу не любила и презирала, всегда смеялась над ее кротостью и покорностью.

Стала старшая сестра строить всякие козни. Прежде всего, соблазнить нашего отца пыталась, чтобы он с нею супружеское ложе осквернил. Для того прилетала она к нему по ночам в естественном виде, то есть без всякой одежды, и являла перед ним сладострастие. Отец озлился и велел стражникам схватить ее.

«Выдрать на площади эту демоницу похотливую, и пусть она домой возвращается, как ей вздумается, — хоть пешком, хоть по воздуху!» — приказал он, что и было исполнено. Колдунья пришла в ярость и измыслила нас похитить и тем самым поразить отца и матушку.

Так она и сделала. Вышли мы погулять, смотрим: стоит у ворот повозка, усыпанная рубинами и крупными жемчугами. А вокруг — никого. Мы удивились красоте повозки и тут же сели в нее. А она, не запряженная, вдруг сама собою взлетела под небеса и помчалась, так что только ветер засвистел. Уж мы и плакали и молили всех богов — ничто не спасло нас от горькой участи. Повозка доставила нас в замок, который вы видели собственными глазами. С тех пор прошло больше трех сотен зим, и ни с кем мы за это время не говорили, никого не видели, кроме немой прислуги.

«Ого! — подумал кузнец. — Я взял в жены древнюю старуху!». Это открытие сильно его смутило, но так как внешне прожитые зимы никак на царевне не отразились, Черный Нос успокоился и забыл об этом думать.

Дорога привела их к выходу из ущелья. Только собрались путники обрадоваться, как вдруг выходит к ним из пещеры великан — в нем три человеческих роста, весь он покрыт бурою шерстью и запах от него, как от зверя.

— Возвращайтесь назад! — закричал он ужасным голосом. — А не то я мужчин сразу убью, а женщин перед тем утешу по-свойски!

Тогда кузнец вышел вперед и сказал:

— Если ты с дороги не уберешься, то я тебя уберу.

Великан заревел, так что камни посыпались, и бросился на кузнеца. Стали сражаться. Сначала великан одолевал, но Черный Нос собрался с духом — а силища у него была необычайная! — и, обхватив великана поперек туловища, оторвал от земли и на землю же бросил. Великан от того пополам переломился.

— Тьфу! — сказал Черный Нос. — Лопнул, как скверная наковальня!

Тут ущелье все затряслось, заходило ходуном. Путники еле успели из него выскочить, как горы сомкнулись, и ущелья не стало.

Много дней шли они, однако ничто не длится без конца. Дорога, отмеченная на карте, привела их прямо к селу.

Соседи их очень удивились и толпой вывалили встречать.

— Ишь, — говорили, — нет, чтобы поближе посвататься сторожу да кузнецу, привели они жен издалека.

А старуха Сычиха как их увидела, так затряслась вся, упала в корчах, изошла пеной и издохла. Все замолчали от страха и удивления и видят — с

визгом бежит старухина свинья и бросается в ноги Ренельту. Стала она кататься по траве, а потом закричала женским голосом и обернулась… девицею! Притом — пригожей. Правда, была она нагой и довольно грязной, но Ренельт взял ее за руки, отвел на речку, там отмыл, нарядил ее с ног до головы — и вышла она первой красавицей по округе. Тем же вечером и свадьбу сыграли.

А мертвая Сычиха недолго на земле пролежала. Превратилась она в дохлую ворону. Как настала ночь, выпрыгнул из-под земли огромный заяц в шапке с пером, взял ворону за крыло, положил в переметную суму и ушел…

Вот и истории конец.

Закончив рассказ, Гранель бегло оглядел залу таверны. Гизмунд спал, уткнувшись носом в колени и тихо посапывая. Ремина, охваченная дремой, клевала носом — голос собирателя историй убаюкал ее. Перед глазами вставали, как живые, все действующие лица этой повести, и каждая подробность, отмеченная Гранелем лишь мельком, сама собою расцветала, становилась объемной и яркой.

Несколько мгновений Ремина молчала, и было ясно, что сейчас она уснет накрепко. Но неожиданно громкая раскатистая рулада, которую носом вывел спящий на полу варвар, разбудила ее.

— Удивительная история, — сказала она. — Ты — мастер своего дела.

Казалось, Гранель огорчился, но сразу изобразил на лице веселое оживление.

— Многолетняя практика, госпожа моя, — проговорил он.

После этих слов Ремине стало как-то не по себе. Она всмотрелась в собирателя историй и вдруг заметила то, чего никак не мог углядеть оруженосец.

Тень Гранеля вместо того, чтобы лечь на пол — он сидел перед горящим огнем — занимала собою стену над очагом. Оказаться там она никак не могла.

Ремина решила, что это мерещится ей. Она потихоньку ущипнула себя за ногу, но странное поведение тени не изменилось. Тень от меча, вонзенного в пол, была самой обычной и перечеркивала тень от молочного кувшина там, где и должно. Но тень его хозяина вызывала испуг, смешанный с неприятным удивлением. Ремине не хотелось обнаруживать своего открытия. Глядя прямо в бегающие глаза Гранеля, она проговорила спокойным голосом:

— А известна ли тебе, любезный рассказчик, история этой заброшенной таверны? Местные очень боятся каких-то упырей, якобы

живущих в ней. Хотелось бы узнать, что послужило причиной для возникновения этого страха.

Гранель застыл на мгновение, и это мгновение лицо его ничего не выражало, словно на него нацепили маску.

Потом в глазах рассказчика заблестели лукавые огоньки, он склонил голову набок и сразу стал похож на ученого ворона.

— Конечно же, я знаю эту историю, — молвил он. — Это занятная и крайне поучительная история. Только рассказывать ее лучше тихим голосом, чтобы никого ненароком не разбудить. Поэтому я сяду поближе к тебе…

Ремину опять покоробило, она хотела возразить против соблюдения этого условия, но Гранель уже опустил свой сухопарый зад на пол вплотную рядом с ней, обхватив ее за талию костлявой, жилистой, очень сильной рукой, сжал покрепче и выразительно улыбнулся. От неожиданности и ужаса Ремина чуть не потеряла сознание.

— Слушай же, крошка, — зашептал он ей в самое ухо. — Пятнадцать зим назад здесь остановились на постой два брата. Была буря, дождь лил, как сейчас… Таверна тогда была действующая в этой самой зале сидели люди, пили пиво и вино, играли в кости или просто грелись у огня.

Братья не очень-то ладили между собой, и будь у них возможность, они уселись бы за разные столы, чтобы не видеть друг друга. Скажу больше, они так враждовали, что даже редко смотрелись в зеркало, поскольку были близнецами. Вот как иногда бывает.

Ехали оба из Галпарана в имение своего родителя, который несколько дней тому как помер. Братьям предстояло делить наследство.

Свободным оказались только один стол и только одна комната. Один сказал другому:

— Ну тебя к Нергалу! Оставайся тут, а я поеду дальше.

А другой отвечал:

— Езжай. Может твой конь оскользнется в грязи и ты свернешь себе шею, или еще лучше — промокнешь, простынешь и умрешь от чахотки. Это было бы славно!

Первый брат выругался и раздумал ехать, а вместо этого сел за стол и начал пить. Второй от него не отставал.

— Как жаль, что мы не встретились по дороге, — сказал первый. — Я изрубил бы тебя в куски своим мечом.

— Какое горе, что я не знал, где ты проедешь, — отвечал второй. — Я сел бы в засаду с арбалетом и вбил бы стрелу в твою поганую глотку!

— Если б я мог предвидеть, что ты всю жизнь будешь путаться у меня

под ногами, я бы в детстве спихнул тебя в глубокую выгребную яму или накормил бы волчьим лыком, — произнес первый.

— Мне бы чуть-чуть мудрости, я бы в юности оделся бы в твой камзол и надругался над какой-нибудь женщиной у всех на виду, чтобы тебя за это казнили, — молвил второй.

Таким образом, они беседовали, выпивая, и так увлеклись, что не заметили, как наступила глубокая ночь. Все прочие постояльцы давно разбрелись по своим полатям, а братья все сидели, пили вперемешку пиво, вино и самогон, от чего делались все злее и злее. Хозяин махнул на них рукой, выкатил три объемных бочонка и ушел спать, а служанка давно уже млела в объятиях конюха.

Первый брат со зла и спьяну проговорился:

— Не хотел тебя огорчать раньше времени. Мне, видишь ли, мечталось посмотреть, какая у тебя будет рожа при оглашении завещания. Ну да ладно: и земля, и деньги, и дом — все мое. Старик меня любил, а тебя презирал и всегда называл тебя безмозглым олухом.

— Врешь! — сказал второй, однако сразу поверил и даже протрезвел от злости. Он выждал момент и, когда первого брата сморил сон и тот уткнулся носом в корявые доски стола, взял острый железный пробойник для откупоривания бочек и вонзил спящему в сердце. Потекла густая кровь, и убийца, рыча от ярости, приник к трубке пробойника губами. Он выпил всю кровь, всю без остатка. Мертвый стал белее полотна.

— Проклятье! — воскликнул второй брат. — Нужно что-то делать с этой тушей!

Пользуясь глубоким сном хозяина и постояльцев, он отнес тело на кухню, раздел и, орудуя мясницким ножом, разделал брата, словно свинью. Голову ему пришлось бросить в отхожее место, а самые, на его взгляд, аппетитные части он зажарил на огне и съел. Прочие останки положил в погреб, в ледник.

Переодевшись в дорожный костюм брата, убийца чуть свет поехал к отчему дому, где назвался его же именем. Слуги давно не видели обоих и не догадались, в чем дело. Душеприказчик прочел завещание… Увы! Убийца и был наследник, верный и единственный. Теперь же он ничего не мог получить.

— Почему? — удивилась Ремина. — Он же мог уехать, а после вернуться уже под своим именем.

Гранель рассмеялся:

— В том-то и дело, что не мог. У него на лбу был шрам приметной формы, в виде зубца молнии. Пришлось бы объяснять, почему у обоих

братьев одинаковые шрамы, его сразу бы заподозрили…

Ремина искоса взглянула на рассказчика и чуть не закричала — на лбу у Гранеля, при таком освещении почти незаметный, находился зигзагообразный рубец. Увидев ее расширенные глаза, Гранель потер свободной рукой обезображенный лоб, усмехнулся и стиснул Ремину так крепко, что у нее перехватило дух.

— После того, как ничего не подозревавший хозяин накормил клиентов человечиной, в таверне стали происходить удивительные вещи. К примеру, ножи начинали вдруг сами по себе летать по залу и, в конце концов, втыкались кому-нибудь в бок. Некая дама, укрываясь тут со своим воздыхателем, кушала персик, поперхнулась косточкой, да так сильно закашлялась, что косточка вылетела изо рта и убила любовника наповал. Двоих нашли в комнатах задушенными… Словом, это не способствовало процветанию постоялого двора, и его пришлось закрыть. Редко кто заглядывает сюда теперь. Правда, братоубийца, повредившись в уме, иногда заманивает сюда кого-нибудь или неожиданно обнаруживает беззаботных путников, вроде вас. Тогда он усыпляет их и убивает спящих пробойником…

Ремина рванулась изо всех сил, и ей удалось избавиться от цепкой руки Гранеля. Тот поднялся не спеша и проговорил:

— А если кто не засыпает, тем он отрубает головы. Вот так.

Он взмахнул рукою, и вдруг плащ соскочил с гарды меча, а меч задрожал с тихим визгом, вышел из доски и прыгнул Гранелю в руки. Плащ, тем временем, стелясь по полу, подобрался к ногам Ремины, облепил их — он оказался противно-теплым на ощупь — и она, споткнувшись, упала на колени.

Гранель одним прыжком оказался у нее за спиной и взмахнул клинком.

Конану снилось, что он попал в ледяные чертоги Крома. Там шел нескончаемый пир, гремела воинственная музыка, девы с крепкими грудями разносили пирующим хмельной мед и пиво.

Завидев Конана, гости стали шептаться между собой. Огромный, могучий, страшный и прекрасный бог поднялся со своего трона, оглядел вошедшего и загремел голосом непереносимой силы:

— Что ты здесь делаешь, мальчишка? Тебе еще не время околачиваться среди взрослых! Убирайся обратно, щенок!

Конана охватил такой трепет, что сонное зелье испарилось из его крови. Он проснулся.

То, что открылось его взору, заставило варвара окончательно прийти в

себя. Неизвестный совершенно явственно собирался ударить Ремину мечом, а та, парализованная страхом, даже не кричала.

Размышлять было некогда. Конан покатился по полу, вытаскивая при этом свой меч из ножен. Он успел как раз вовремя и рубанул незнакомца прямо по ногам. С воплем тот подломился и рухнул, Ремина, наконец, завизжала и побежала на четвереньках, пытаясь содрать плащ, спутавший ее ноги.

— Что же я буду делать без ног? Будь ты проклят! — скрежетал поверженный, извиваясь на полу.

Меч, который он выронил, поднялся и повис в воздухе без посторонней помощи, затем острием нацелился Конану в живот и полетел быстрее стрелы.

Но варвар парировал его на лету столь сильным ударом, что он вошел в пол под углом, погрузившись в дерево более чем на половину клинка. Немедленно колдовской меч стал дрожать — пытался вырваться, но безуспешно.

Плащ освободил ноги Ремины и, взмахнув полами, словно летучая мышь, метнулся, чтобы накрыть голову Конана. Варвар уклонился. Плащ ударился о стену, отскочил, вновь подпрыгнул и был рассечен надвое острым, как бритва, мечом Конана.

Обе половины принялись скакать по полу, при этом из них брызгала кровь. Двумя отчаянными пинками варвар отправил их в пламя очага. Там они зашипели, и едкое зловоние распространилось по зале.

— Тебе конец! — вскричал Конан, и его клинок пригвоздил залитого кровью противника к полу. Гранель зашипел, скорчился, и на глазах у своего победителя превратился в скелет, покрытый кое-где ошметками сгнившей плоти.

— Интересные у тебя знакомые, — сострил Конан. — А почему карликовый оруженосец дрыхнет, пока тебя пытаются убить?

Не дожидаясь ответа, он схватил спящего Гизмунда за ноги и рывком поднял над полом. Гизмунд пробудился и мгновенно заверещал.

— Отпусти! Что ты себе позволяешь? Я тебе все кости переломаю! — вопил он, размахивая руками.

— Его околдовали, — сказала Ремина, придя в себя. — Как вовремя ты проснулся!

— Вовремя? — заорал оруженосец. — Он должен был храпеть до завтрашнего вечера!

— Почему? — осведомился Конан. Гизмунд сразу замолчал.

— Где герцог? — продолжал спрашивать варвар, сердясь не на

шутку. — Если ты не скажешь, я буду бить тебя головой об пол, и ты станешь от этого еще короче. Ну?

— Не надо! — вмешалась Ремина. — Тебя усыпили, чтобы спасти. Пристав из города был здесь. Он сказал, что твоя подруга схвачена, и сегодня, после вечерней стражи, ее четвертуют. Герцог из благодарности к тебе решил спасти ее, а тебя опоили зельем, чтоб ты не появлялся в Галпаране.

— Со стороны герцога это очень любезно, — молвил варвар, поставив Гизмунда на голову. — Но он не учел одного обстоятельства. Если меня куда-либо не пускают, я делаю все, чтобы туда попасть.

Оруженосец, кувыркнувшись, ловко встал на ноги.

— Что тут произошло? — спросил он, оглядев залу.

Меч Гранеля, торчащий в полу, дернулся еще пару раз и вдруг мгновенно растекся лужицей грязной воды.

Конан освободил свой клинок, без всякого почтения пнул оскаленный череп упыря-братоубийцы, поднял с пола свой плащ и набросил на плечи.

— Я знаю не больше твоего, — ответил он. — Пусть Ремина расскажет тебе. А мне пора.

— До вечерней стражи не так уж много времени, — заметила Ремина. — Ты не успеешь.

— Ха! — сказал варвар и вышел.

Скоро женщина и оруженосец услышали ржание его лошади и удаляющийся стук копыт.

— Может быть, он и успеет, — хмыкнул Гизмунд. — Прости, что я настаиваю, но все-таки что случилось, когда я уснул? Герцог снимет с меня голову, если узнает, что ты была в опасности, пока я спал.

— Герцог не узнает, — ответила Ремина. — Только нужно прибраться здесь немного…

После обеда время тянулось медленно. Герцог Мироваль пошел прогуляться, но улицы, запруженные людьми, раздражали его. Мастеровщина толпилась, купцы громко разговаривали противными голосами, будто у каждого в глотке застрял жирный кусок мяса. Покупатели, слонявшиеся из лавки в лавку, были не лучше — они то и дело останавливались посреди улицы и вдумчиво начинали созерцать вывеску или образец товара, выставленный на обозрение.

Горожане представлялись герцогу единым живым существом, бесформенным, безмозглым, но удивительно кипучим по натуре своей. Люди, живущие в городах, обладают потребностью чувствовать локоть соседа — поэтому они охотно образуют толпы, очереди и вечную,

бессмысленную давку.

На площади Примирения артель городских дворников готовила дощатый помост для казни. Они скоблили потемневшее дерево, мыли его до блеска и украшали черными креповыми гирляндами. От их деловитости Мироваля затошнило, и он направился обратно в гостиницу.

Скоро туда же явился Гаттерн.

— Как настроение твоей светлости? — осведомился он.

— До чего противный ваш городишко, — скривился герцог. — Если бы весенняя, разжиженная земля вдруг поглотила бы его без остатка вместе со всеми торгашами, палачами и отвратительными нищими, сама природа вздохнула бы с облегчением.

Пристав обиделся.

— Это, знаешь ли, кому что нравится. Я бы не смог жить в какой-нибудь дыре, откуда нужно две зимы ехать за новыми башмаками и где самому приходится делать колбасу, сыр и вино. Галпаран — обычный город. Не лучше, но и не хуже многих других.

— Не обращай внимания, — сухо извинился Мироваль. — Мне не по себе. Города подавляют меня. Сегодня, слава богам, я покину Галпаран, и долго еще буду объезжать городские стены стороной.

Со двора гостиницы послышался громкий шум. Голос хозяина, дребезжащий, но настойчивый, тонул в женском сердитом крике.

Мироваль насторожился.

— Знакомые интонации, — произнес он. Пристав пошел посмотреть, в чем дело. Четверо крепких носильщиков с городскими знаками на груди стояли подле огромного, роскошно сработанного паланкина, украшенного графской короной и гербом. Полог со стороны, обращенной к трактирщику, был распахнут. В паланкине, обложенная парчовыми подушками, восседала дама лет тридцати. Лицо ее слишком было ухожено, чтобы оставаться красивым. А визгливый голос, от которого чесалось все внутри, никак не вязался с короной и гербом — он больше подошел бы испитой торговке селедками на задах большого рынка.

— Это невыносимо! — кричала женщина. — Я ничего не желаю слушать. Ты знаешь, к кому я приехала, голодранец? Я приехала навестить брата! Ему стоит щелкнуть пальцами, как твой хлев и ты вместе с ним исчезнете.

— Отчего бы тебе, уважаемая, сразу не поехать к брату? — гнул свое хозяин. — Постоялый двор занят.

— Осел! Я должна привести себя в порядок или нет?

— Не могу это знать, не моего ума дело.

— Животное!

Мироваль выглянул из-за плеча пристава и присвистнул.

— Боги на нашей стороне, — шепнул он. — Знаете, кто это? Графиня Этер, урожденная Дорсети. Соучастница злодеяний, лавочница, купившая титул, жена моего бедного брата. У меня есть одно желание, и я его исполню…

— Кажется, я все понял, — ответил Гаттерн. — Хорошо. Ваш ход.

— Эй, милейший! — крикнул герцог. — Впусти эту почтенную и знатную особу.

— Дорогой родственник! — воскликнула особа. — Какое счастье, что ты здесь!

Она выскользнула из паланкина и приблизилась. Ее фигура правильной полноты и очертаний все же не была привлекательной. Она казалась заемной, чужой, будто ее купили у какой-нибудь бедной красавицы. Двигалась графиня Этер очень неестественно, потому что тщательно изображала женственность.

— Вообрази, в городе новые порядки! — жаловалась она. — Меня заставили отпустить своих носильщиков и нанять этих, из здешнего цеха. А они такие нерасторопные! У брата в доме, говорят, был пожар. Я не могу его нигде отыскать. И племянник тоже пропал. Со мною приехала большая бочка с особым травяным маслом, он им приторговывает — а девать ее некуда. Я и оставила прямо у городских ворот. Ах, что я тебе говорю! Тебя, герцог, не волнует какое-то масло!

— Почему же, это интересно, — тихо произнес Мироваль.

Пристав заметил, что герцог бледен от бешенства.

— Я тебе подыграю, — шепнул Гаттерн и обратился к «графине»: — Входи и располагайся, уважаемая. Я — пристав городской стражи и беру тебя под охрану. Твой брат и его сын зверски убиты. Та же участь постигнет и тебя, если ты не будешь осторожна.

Женщина вдруг покачнулась и в обмороке упала на руки стражника.

Ее втащили наверх, в свободную комнату, и уложили на кровать.

Спустившись в залу, герцог и пристав нервно вздохнули почти одновременно.

— Близится время второго обеда, — сказал Гаттерн. — Сейчас главный обвинитель и его советник Шпигел сидят за столом в особнячке на улице Роз и ждут жаркого.

— Ну и что? — спросил Мироваль, недоумевая.

— Они не должны присутствовать на казни, — ухмыльнулся стражник. — Иначе все сорвется.

— Неужто мы подумали об одном и том же? — поразился герцог.

— Так бывает среди преступников. Хорошие сообщники действуют, не сговариваясь. Почему бы не перенять их приемы?

— И ты согласен пойти на это?

— Графиня, насколько я понял, — соучастница чудовищного зверства. По отношению к ней это будет только справедливо, — молвил Гаттерн, улыбаясь одними глазами. — Действуй, твоя светлость.

Конан оказался у стен Галпарана точно к вечерней страже.

По пути он придумал, как попасть в город, минуя ворота. Попадаться стражникам варвару вовсе не хотелось.

Под городом протекала небольшая подземная речка. Когда-то она была многоводной, и русло ее представляло собой порядочный тоннель. Однако речка захирела, и жалкий ручеек теперь еле сочился по дну этого тоннеля.

Тоннель имел несколько выходов на поверхность, один из которых был в самом центре города. Туда сваливали всякие отбросы. Оставив взмыленную лошадь на попечение кладбищенского сторожа, варвар обошел большую мусорную свалку, спустился в овраг и вошел в подземелье.

Когда-то в этой клоаке обитало целое племя отчаявшихся подонков. Отбросы человечества жили среди бытовых отбросов. Тут были свой король, свои законы, своя мораль… Они редко бывали на поверхности, но одним своим существованием очень мешали жившим наверху. Обитателей подземелья пытались истребить силами городской стражи, но ничего путного из этого не вышло. Тогда городское начальство заключило договор с неким колдуном, который приманил в подземелье миллионную армию крыс. Крысы съели всех дочиста, а потом пожрали сами себя. С тех пор тоннель был необитаем.

Конану случалось тут бывать, и он ориентировался в подземелье так же свободно, как и на поверхности. Довольно скоро он был у нужного выхода. Сверху доносился шум голосов и шарканье тысяч ног, что говорило о близости площади Примирения. Заметив решетку, запертую висячим замком, варвар выругался. Но отступать было нельзя. Внимательно оглядев решетку, Конан заметил, что она просто врыта в землю. Ухватившись за осклизлые прутья, варвар рванул их посильнее, и спустя мгновение выход был открыт.

— Как хорошо, что все подрядчики — жулики, — пробормотал Конан себе под нос. — Честный подрядчик укрепил бы решетку камнями, и возиться пришлось бы долго.

Толпа у помоста собралась значительная. Конан распихивал ее локтями и подбирался поближе к месту казни. Четкого плана у него не

было. Если герцог не смог освободить Зонару, то ему придется в одиночку нападать на целый отряд стражи, а потом еще и спасаться. Толпа тогда послужит хорошим прикрытием — в ней можно легко затеряться. Но сейчас она очень мешала.

Впрочем, Конан протискивался сквозь нее столь бесцеремонно и яростно, что ему скоро стали уступать дорогу. К тому же после пребывания в городской клоаке одежда варвара источала тяжелые запахи, и горожане стремились отойти от него подальше.

Выбрав место, откуда удобнее будет броситься в атаку, Конан стал ждать. За его спиной оказался громоздкий паланкин, весь увешанный разноцветными гербами.

На помосте тем временем палач в блестящем черном фартуке и маске демонстрировал публике свои зловещие приспособления — клещи, уже раскалившиеся на угольях, нож с волнистым лезвием и тяжелый, остро отточенный топор.

Распорядитель казни с озабоченным видом бегал через оцепленный, свободный от толпы участок между помостом и трибуной городского магистрата. Во-первых, почему-то задерживалась повозка с приговоренной, во-вторых — опаздывали главный обвинитель и его советник.

Послышался нарастающий гул толпы, и распорядитель вздохнул с облегчением — везли преступницу. Очевидно, страх приближающейся смерти заставил ее сопротивляться — она была связана по рукам и ногам. На голове у нее был плотный серый мешок. На помост осужденную буквально внесли на руках.

Бургомистр махнул распорядителю рукой — пора начинать. А главный обвинитель завтра получит строгий выговор. Распорядитель торжественно вскрыл свиток с приговором и, надсаживаясь, стал читать:

— «С поличным пойманная воровка Зонара признана виновной в убийстве Дорсети, отца и сына, а также солдат охраны, числом семнадцать, и предается казни!»

Осужденная завизжала очень громко и забилась в руках палача, который собирался снять с нее веревки.

— Я не Зонара! — кричала она. — Я никого не убивала! Отпустите меня!

Конан остолбенел: даже когда Зонара очень сердилась, ее голос был не так противен.

Палач выдал ей затрещину, и она перестала кричать и дергаться, только глухо скулила. Развязанные руки бессильно повисли вдоль тела.

Заплечных дел мастер сдернул мешок с головы жертвы, показалось ее лицо, опухшее, заплаканное, расплывшееся.

— Я — сестра Дорсети, — сказала она плачущим шепотом.

— Конечно, золотко мое! — ответил палач и сорвал с нее рубашку.

— Кром! — не удержался Конан. — Это не она!

— Ну конечно, мой милый, — послышался из паланкина знакомый голос. — Полезай ко мне, я соскучилась. И лучше бы тебе не высовываться наружу.

Варвару пришлось сложиться втрое, чтобы поместиться в недрах паланкина, не придавив своей сообщницы.

— Герцог — ловкий малый, — сообщила Зонара с восхищением в голосе. — Он блестяще все обстряпал! Когда меня повезли какими-то переулками, повозка попала в затор. В мешке-то была дырка, и я все видела. Валялись какие-то бочки, ящики, кругом стояли телеги, кареты — все кричали, словом, столпотворение! Герцог с видом чрезвычайно важным высунулся из паланкина и наорал на солдат — те бросились растаскивать бочки… А сам он мигом отвязал меня, велел прыгнуть в паланкин, а оттуда выволок эту гадину, сестрицу Дорсети, уже связанную и в такой же рубахе, как и я, и усадил ее вместо меня. Никто ничего не заметил, даже носильщики, потому что паланкин встал к возу впритык. Теперь он ожидает меня у северных ворот, и нам, кажется, пора.

— Эй, слуги! К воротам! — прикрикнула Зонара.

Носилки оторвались от земли и поплыли, раздвигая плотную толпу.

Тем временем последние приготовления к казни были завершены. Поставленная на колени, привязанная к толстым деревянным опорам, урожденная Дорсети расширенными глазами смотрела на палача, повернув голову, — тот зашел ей за спину, вынул из жаровни добела раскаленные щипцы, клацнул ими в воздухе.

Лже-Зонара зажмурилась и набрала в грудь побольше воздуха. Через миг отчаянный вопль пронесся над толпой. Паланкин, покачиваясь, удалялся с площади.

— Любопытно, — произнес Гаттерн, — почему четверо дюжих молодцов еле-еле тащат паланкин, в котором сидит одна далеко не толстая женщина?

Это было перед самыми северными воротами. Герцог держал Снежка в поводу и поглаживал его по морде. Он догадался, в чем дело, и ему было смешно.

Пристав подошел к паланкину и рывком распахнул занавес. Увидев варвара, он отступил на шаг, ощерился и сердито зарычал:

— Конан, ты же знаешь, что я всегда держу слово!

— Господин стражник, простите вы его пожалуйста! — затараторила воровка. — А я тебя отблагодарю…

— Сам сдашься, или позвать солдат? — продолжал Гаттерн. — Думай быстрее!

— Мне не хочется убивать тебя, но я это сделаю, — в ответ оскалился Конан. — Я не давал тебе слова больше не приезжать, Кром свидетель.

— Прекратите, господа! — поморщился герцог. — Это все бессмысленно. Пристав, ты не можешь арестовать варвара, пока он сидит в паланкине.

— Это почему?

— Видишь, на нем герб графа Этер, моего двоюродного брата.

— Ну и что?

— Паланкин — его собственность, кусочек его суверенной территории, — пояснил Мироваль. — Территория эта неподвластна городу Галпаран.

Гаттерн, красный и взмокший, выдохнул через силу.

— Будем прощаться, — продолжал герцог. — И не сердись. Уж я-то еще долго не попадусь тебе на глаза.

Покачав головой, пристав махнул рукой караульному. Ворота раскрылись. Носильщики оставили паланкин за воротами и вернулись в город. Конан выбрался из паланкина и протянул руку, чтобы помочь Зонаре.

— Знаешь, Гаттерн, когда-нибудь я буду королем всех этих мест, — произнес он. — И жизнь здорово изменится. Многие потеряют свои должности. Но не ты.

— Чего только не услышишь в час ночной стражи, — ухмыльнулся пристав и направился к себе в караульное помещение.

— Прощай, господин вор! — Герцог вскочил в седло, и Снежок унес его на встречу с любимой женщиной.

— Моя лошадь у кладбищенского сторожа, — сказал варвар, обращаясь к Зонаре. — Пойдем. Деньгами поделюсь, как и обещал. Попробуем раздобыть тебе одежду и обувь, а то в тюремной рубашке ты будешь привлекать внимание.

Ночь стояла свежая, но Зонаре было жарко от пережитых волнений. Она прижалась щекой к плечу варвара, и ей казалось, что после долгих лет пути она, наконец дома. Зонара знала, что чувство это скоро пройдет, но горечи не было.

— Знаешь, — произнесла она, — я брошу ремесло воровки. Иначе

когда-нибудь мне не повезет с сообщником.

Конан одобрительно заворчал.

— Открою школу для детей, как дядя Гинко. Буду растить гимнастов, плясунов… А ты куда подашься? — спросила Зонара, останавливаясь.

— Не знаю пока, — отвечал он. — Ближайшую ночь или две проведу с тобой, ну а там видно будет…

— Идет! — Зонара хлопнула его по плечу.

В это самое время городской обвинитель Маркус и маг-советник Шпигел сидели в обеденном зале в полной темноте, связанные спина к спине. Шпигел жалобно вздыхал и сопел, а Маркус отчаянно пытался почесать нос собственным коленом.

— Кто же это был? — спросил он.

— Грабитель, я думаю, — Шпигел снова вздохнул.

— А почему он ничего не взял? Это странно, очень странно…

— Экий у тебя беспокойный нрав, — пробормотал Шпигел.

— А ты не вздыхай так сильно — мне веревка в живот врезается! Почему бы тебе не избавить нас от пут магическим способом?

— Каким? — Шпигел недолго подумал. — Может, огненным шаром? Веревку он испепелит мигом, но и нас поджарит изрядно.

— Тогда не надо. — Маркус снова попытался почесаться. — Все не так плохо, коллега, — просиял он внезапно. — Мы не пошли на эту ужасную казнь. По уважительной причине! А утром горничная нас освободит.

— Жаркое до этого времени совсем закоченеет, — мрачно произнес маг-советник.

— Зато с холодной телятиной ничего не сделается! — убежденно проговорил городской обвинитель Маркус и принялся весело насвистывать «Балладу о стройной деве».

Слуха у него не было совершенно.

Скан: Vodevil
Вычитка: Triceratops

WWW.CIMMERIA.RU